

Серг Усов

ПОПАДАНЕЦ
В ТАЛАРЕЮ

ИДДК

Имперский граф

Книга 3

Попаданец в Таларею

Серг Усов

Имперский граф

«ИДДК»

2021

Усов С.

Имперский граф / С. Усов — «ИДДК», 2021 — (Попаданец в Таларею)

"Имперский граф" – фантастический роман Серга Усова, третья книга цикла "Попаданец в Таларею", жанр боевое фэнтези, попаданцы. Наш молодой современник, попав в мрачное средневековье, благодаря своей смекалке, знаниям родного технологического мира, полученным магическим и боевым способностям добился многого – стал владельческим бароном, наладил хозяйство, обзавёлся верными друзьями и соратниками. Казалось бы, можно уже успокоиться и вести праздную жизнь состоятельного феодала, но не таков наш герой. Он не собирается останавливаться на достигнутом. Да и вместо поверженных врагов появляются новые, гораздо более опасные. Впереди у героя снова сражения, прогрессорство, политические интриги и приключения.

© Усов С., 2021

© ИДДК, 2021

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	29
Глава 6	34
Глава 7	40
Глава 8	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Серг Усов

Имперский граф

Глава 1

Диснийский океан в лучах заходящего солнца был величественен и по-настоящему красив. Глядящий сейчас на него из окна верхнего этажа Дворца дождей угрюмый мужчина меньше всего обращал внимание на открывавшуюся перед ним картину. Его мысли были далеко в стороне от этой водной стихии.

– Величайший, к вам прибыл дож Рог Карвин, – тихий безликий голос секретаря вернул верховного дожа Кая Шитора из глубин мыслей в реальность.

Стоило главе республики Растин отвернуться от окна, как солнце, словно по заказу, окончательно закатилось, погрузив в темноту один из самых больших городов на континенте Тарпеция.

– Зови. И распорядись, чтобы принесли нам выпить, – сказал хозяин огромного кабинета, проходя к своему массивному столу. – Никого больше не приглашай. Скажи, чтобы приходили завтра.

Секретарь, невысокий человечек, бесшумно выскользнул за дверь.

Кай был уже пятым по счёту представителем семьи Шитор, которая непрерывно, вот уже больше тридцати лет, держала в своих руках пост Верховного дожа республики Растин.

Среди торговых семей Растина, города и одноимённой республики, Шиторы не были самыми богатыми, но в пятёрку таковых всё же входили. Основой могущества клана, как экономического, так и политического, являлись верфи, на которых строился каждый второй океанский корабль и каждый третий речной из производившихся в республике. А морская и речная торговля для портового города были главными.

Кроме того, семья Шитора владела одним из самых крупных банков на континенте, а векселя, сделанные из выделанной козлиной кожи и защищённые заклинанием Знак Шитора, часто служили для оплаты крупных торговых контрактов и даже для межгосударственных расчётов.

– Приветствую тебя, величайший, – склонился в поклоне вошедший в кабинет русоволосый мужчина.

Одетый в простой дорожный костюм практичного тёмно-серого цвета вошедший мужчина выглядел немного усталым.

– Привет, Рог, давай без этих формальностей, – Шитор приветливо улыбнулся.

Мужчины крепко пожали друг другу предплечья и сели возле стола.

– Я ждал тебя ещё на прошлой декаде, – сказал хозяин кабинета.

– Пришлось объезжать Камень. Бирманцы совсем обнаглели. Надо было сразу ехать в Нимею и оттуда добираться по Ирменю.

В этот момент открылась дверь и пожилая рабыня, доверенная служанка Кая, внесла поднос с вином и закусками.

Пока она накрывала на стол, мужчины молчали, при этом гость откинулся спиной на спинку кресла и устало прикрыл глаза.

Рогу Карвину было сорок восемь лет, с хозяином кабинета они были ровесниками и дружили с детства, хотя их семьи и стояли на разных ступенях власти и богатства Растина.

Семья Карвинов контролировала четверть торговли тканями и красителями. Республика мало что производила сама, поэтому и то, и другое завозилось кораблями, в основном, с Вала-

нии, южного континента, или с востока самой Тарпеции, а затем речными судами, вверх по реке Ирмень, или караванами развозилось по другим государствам континента.

Карвины не входили даже в дюжину самых богатых семей республики, но место в Совете дожей, состоявшем из девяти человек и являвшимся главным органом управления Растина, Рог два года назад всё же получил. Благодаря протекции своего друга Кая Шитора.

Когда рабыня вышла, гость открыл глаза и, осмотрев накрытый стол, с грустной усмешкой сказал:

– Смотрю и ты распробовал креплёную горящую воду. Кальвадос, чувствуется, скоро завоюет республику быстрее чужеземной армии.

Шитор кивнул, взял в руки бутылку из удивительного светло-зелёного стекла и разлил по небольшим рюмкам кальвадос.

– Если бы один только кальвадос...

Мужчины понимающе посмотрели друг на друга. Затем выпили. После недолгого молчания хозяин кабинета предложил гостю угощаться и приступить к докладу.

– Рассказывай. Вижу, что есть о чём.

– Есть о чём, – согласился Рог, – но, к сожалению, много неясного. Начну с того, что откуда вообще появился этот Олег, нынешний винорский барон Ферм и имперский граф Шотел, никто толком сказать не может. Якобы, он племянник бывшего то ли сержанта, то ли лейтенанта синезийских наёмников Чека, ставшего теперь бароном Паленом. Говорят, что Олег прибыл с самого запада континента, чуть ли не с Майенского великого герцогства, но толком никто не знает. Одно только точно, что проявил он себя в Сольте, это винорский город на правом берегу Ирменя.

Шитор вяло махнул рукой, показывая, что лишних пояснений не требуется. И Карвин продолжил.

– То, что я сейчас говорю, больше основывается на слухах, чем на каких-то фактах, но кое-что известно достоверно. Во-первых, всё его ближайшее окружение, которое пришло с ним в баронства, оно из Сольта. Им как-то удалось в своё время оказать серьёзную услугу Лексу. В чём именно эта услуга заключалась, никто толком не знает, но король не просто пожаловал Олегу и Чеку баронства Ферм и Пален, но и вручил им Стяги.

– Это мы уже знали, Рог, – вздохнул верховный дож республики. – Как так получилось, что он полностью подмял под себя все тридцать четыре баронства? Все города баронств? Откуда у него средства взялись на строительство новых поселений? И, главное, с чего вдруг эта винорская глушь начала выкидывать на рынки такое количество новых и порой ранее неизвестных товаров? – Шитор встал и принялся расхаживать по кабинету. – Мы проглядели. Наверняка за этим выскочкой Олегом с самого начала стояла империя.

– Откуда у имперского Совета нашлись бы деньги? – не согласился с другом Рог Карвин. – Да и при чём тут тогда король Лекс? Отношения Винора и хадонцев сейчас не те, что в былые годы. Не стал бы король рисковать, отдавая, по сути, весь юг своего королевства под управление имперским марионеткам.

Верховный дож и сам чувствовал слабую обоснованность своего предположения. Но если предположить, что за бароном Фермом с самого начала стоял имперский Совет, то это хотя бы как-то объясняло те тяжёлые удары, которые получила республика за последний год.

– Тогда откуда у него две магии такой силы, Рог? На что он нанял столько солдат, что смог так легко взять Шотел и разгромить семь лучших полков Геронии? Я ожидал, что хоть ты что-то прояснишь, а ты рассказываешь то, что мы и так знали или догадывались.

– Понимаю, Кай. Но я же был в Фестале, а при дворе Лекса и сами кормятся слухами, один неправдоподобней другого. Но мне удалось узнать, что король направил к Ферму свою магиню Морнелию, ту самую подругу и соратницу королевского мага Доратия.

– Зачем? – Кай Шитор прекратил расхаживать по кабинету и с интересом посмотрел на Карвина.

– Об этом никто, естественно, не рассказывал. Но, я думаю, что не ошибусь, если предположу, что Лекс решил предложить Олегу что-то весьма интересное. Что-то, что перебьёт по весу имперскую щедрость.

– Угу. Щедрость. Пожаловать его графством, которое он сам и завоевал. Очень щедро, имперский размах, – едко заметил верховный дож. – При такой щедрости, что Лекс бы не предложил, хоть бы и пару солигров, уже будет щедрее.

Рог Карвин внимательно посмотрел на своего старого друга.

– Кай, в тебе сейчас говорит злость, а она плохой советчик. Помнишь? Так твой отец часто говорил. – Рог протянул руку и налил им обоим ещё по одной рюмке. – Подумай. Титул графа, хоть ничего для императрицы и не стоил, но для того, кто и бароном стал недавно, это очень сладкий мёд. Теперь Лексу надо предложить что-то не менее серьёзное, если, конечно, он не хочет потом бессильно смотреть, как контроль над всем югом его королевства переходит к его добрым имперским союзникам. И это при том, что он только-только разобрался со своим дядей и северными бунтовщиками, да ещё и в условиях угроз войны с Тарком, а, может даже, ещё и с Линерией.

– Поясни, к чему ты это. Не успеваю иногда за твоими мыслями, – Шитор опять принялся расхаживать по кабинету.

– Семеро! Кай, да он ему герцогскую корону предложит, это же ясно. Не знаю на каких условиях, но это самый лучший вариант. Подумай сам. А чтобы получить герцогскую мантию, Ферму...

– Придётся ехать в Фестал, – понял дальнейший ход мыслей верховный дож, – И у нас будет хорошая возможность одним ударом отыграть всё, что мы прогадали за прошедший год.

– Если Совет даст тебе такую возможность, – напомнил Карвин о проблемах верховного дожа с Советом, которые возникли после неудач, постигших Растин на севере.

– Жадные, ожиревшие и обленившиеся трусливые скоты, – выразился в адрес своих коллег по Совету дожей его глава.

Говоря это, он, естественно, не имел в виду своего друга Рога, как и всегда его поддерживавшего Кула Воска, главу второй по богатству семьи Растина, контролировавшей почти всю работорговлю в республике и почти её треть на континенте.

Восемь лет, что Кай Шитор возглавлял Совет, только на голоса этих двух дожей он и мог всегда положиться. Остальные, необходимые для большинства голоса, ему каждый раз приходилось получать с помощью подкупа, лести, угроз или шантажа.

Шитор невольно сжал руки в кулаки, представив опухшее от постоянного переедания и пьянок лицо Гоша Топина, главы республиканской стражи, который всегда выступал против него. На каждом совете. По любому поводу.

Когда-то этот жирный ублюдок, сын осла и свиньи, сам претендовал на должность верховного дожа и до сих пор не мог простить Каю, что тот его обошёл, хоть и всего на один голос, обошедшийся семье Шиторов в два океанских корабля.

– Придётся искать аргументы, – выдохнул наконец успокоившийся верховный дож. – Но мои аргументы лучше бы сработали, если бы ты смог что-то интересней привезти, кроме сплетен и домыслов. В сами баронства тебе, как я понимаю, попасть не удалось, и что там творится, посмотреть своими глазами не смог.

– Только до Нерова, – подтвердил Рог, – и то пришлось оттуда уносить ноги очень быстро. Там сейчас реально все пляшут под дудку Ферма, особенно после того, как он стал ещё и имперским графом Шотелом. Ему или его людям точно всё доносят – я почувствовал за собой слезку в тот же день, как приехал, хотя и выдавал себя за винорского торговца, и в моём винорском говоре растинского акцента почти не уловить, – Карвина уже немного накрыло

от выпитого, и его речь стала более сумбурной. – Зато мне удалось найти и взять с собой оттуда парочку толковых помощников. Они из местных, винорских. Некто Лешик и Монс. Работали у этого осла Вурсия, который нас там представлял и провалил всё, что только возможно. От них-то я и узнал об идиотизме что Вурсия, что его подручного Гонема.

– Ты поверил этим чужакам? – в голосе Шитора не было осуждения, а лишь интерес.

– Поверил, – кивнул Рог, – после того, как сопоставил всё, что они мне рассказали, с тем, что получил из других источников, в первую очередь, от тех наших торговцев и приказчиков, которым удалось вовремя унести ноги и из Винора, и из Бирмана. Мы можем при необходимости использовать их как лазутчиков. Они не растицы, это местные винорцы, их там знают, они подозрения не будут вызывать.

Кай Шитор согласился. Нет, он не собирался доверять всяким винорским проходимцам что-то важное, но вот использовать их вполне возможно.

За разговором они засиделись почти до полуночи, пока Кай Шитор не вызвал секретаря и не приказал ему подать паланкины.

Такой режим работы Дворца дожей не был никому в новинку. Кай Шитор прибывал на службу уже далеко после полудня и работал до полуночи. За последние восемь лет и все остальные чиновники Дворца привыкли к такому расписанию. Поэтому, когда дожи Шитор и Карвин нетвёрдыми походками – кальявдос или усталость всё же сделали своё дело – шли по гулким длинным коридорам Дворца к своим паланкинам, то им на глаза почти на каждом шагу попадались или дворцовые охранники из глаторских наёмников, так как стражникам, подчиняющимся Гошу Топину, верховный дож не доверял, или многочисленные чиновники, желавшие продемонстрировать начальству своё рвение.

– Пришли мне завтра этих твоих винорцев, – сказал Шитор Карвину перед тем, как усесться в паланкин. – Ближе к полудню.

От Дворца дожей до особняка Кая было чуть больше полулиги. Как и у других дожей, его дом располагался в верхнем городе, отделённом от нижнего города тремя рядами стен, в которых каждый последующий ряд был выше предыдущего на два человеческих роста.

Республика Растин, охватившая щупальцами своих торговых караванов почти весь континент, а своими океанскими кораблями дотянувшаяся до четырёх других континентов, зародилась в незапамятные времена из простой рыбацкой деревушки, уютно устроившейся у впадения могучей реки Ирмень в Диснийский океан.

На этом месте, куда вниз по Ирменю спускались суда из десятков стран и откуда отправлялись корабли сначала вдоль южного побережья Тарпеции, а затем и в океан, и отстроился Растин, столица и единственный город одноимённой республики.

Сейчас Растин стал огромным городом, в котором проживало не менее трёхсот тысяч граждан обоего пола и разных возрастов. Ещё примерно треть населения республики составляли рабы и живущие в поселениях за городом сервы.

Посчитать же количество иностранцев, постоянно проживающих в Растине, приехавших иноземных торговцев, путешественников, привезённых на перепродажу в другие страны рабов, не представлялось никакой возможности.

– Приветствуем тебя, наш господин, – приветствовала своего мужа Эгина, старшая жена Кая Шитора, как только его нога высунулась из паланкина.

Прибежавший заранее из Дворца дожей посыльный оповестил о скором прибытии верховного дожа, и во дворе его особняка выстроились все домочадцы, начиная со старшей жены и заканчивая последней девчонкой-поломойкой. Не было только третьей, самой молодой жены Кая, она с его пятимесячным сыном уже спала.

– Ужин и тёплый бассейн уже готов, – склонилась перед ним Эгина. Все остальные домочадцы, включая и Нинуру, его вторую жену, приветствовали хозяина дома, стоя на коленях на мощёном плиткой дворе.

Кай обнял Эгину, затем подошёл к Нинуре, помог ей подняться и поцеловал.

– Вижу, заждались, – сказал он.

– Ты сегодня чуть позднее, – с улыбкой согласилась с ним Эгина, но никакого укора в её голосе не было.

Судьба в лице родителей свела Кая и Эгину более четверти века назад. Это был брак исключительно по расчёту, и никакой любви между ними так и не возникло, но за долгие годы совместной жизни они привыкли друг к другу и смогли выстроить уважительные и доверительные отношения.

У Кая, кроме Эгины, было ещё две официальных жены, а уж количество побывавших в его спальне наложниц и рабынь никто не считал. Эгина не ревновала своего мужа и даже сама иногда подбирала ему девушек. Но в этот раз за ужином она поняла, что сегодня Каю не до любовных утех, и отослала недавно купленную молодую рабыню прочь.

– Позволь, мы с Нинурой сами помоем тебя в бассейне? – предложила Эгина.

Мыло, пенящееся, душистое, с приятным цветочным запахом вместо не очень приятно пахнувшего и плохо смывающего грязь рапсового масла, которым ещё недавно пользовались при омовениях, снова испортило верховному дожу настроение, напомнив о неудачах последнего времени.

Это не были неудачи только собственно республики, это были и его личные неудачи, поскольку явились результатом краха планов, которые он разработал и продал через Совет.

У республики уже очень давно не было своей армии, хотя городская стража была у неё достаточно многочисленна, насчитывая больше шести тысяч человек.

Но храбрые, инициативные и находчивые при собирании мзды с приезжих торговцев, сильные, ловкие и хваткие при поимке и распятии бродяг, стражники были малопригодны даже для защиты городских стен. Разжирили под стать своему начальнику Гошу Топину, этой свинье, как его всегда называл про себя Кай.

Ещё у города формально было ополчение, численностью в двадцать тысяч человек, но оно состояло, в основном, из мелких лавочников и ремесленников, которые записались в него только ради налоговых льгот, а от всех положенных ополчению тренировок откупались мелкими подачками тем же стражникам.

Попытки навести хоть какой-то порядок в страже и ополчении наталкивались на непреодолимое сопротивление Топина, контролировавшего как минимум половину Совета.

– Кай, я вижу, ты очень сегодня устал, давай мы проводим тебя в спальню? – вывела его из задумчивости Нинура.

Вода в небольшом бассейне, и правда, уже начала остывать, и надо было или распорядиться, чтобы рабы ещё натаскали горячей воды, или вылезать из бассейна. Кай выбрал второе.

Жёны сами вытерли его полотенцами из удивительно качественной льняной ткани, опять вернувшей его к мыслям о недавних событиях, от которых он вроде бы начал отвлекаться.

Главными силами республики, конечно же, были не стражники с ополченцами, и даже не большие отряды наёмников, которые она иногда нанимала, а интриги, подкуп и шантаж.

С помощью этих сил Растин давно уже, более полувека как, взял под контроль находившиеся от него восточнее, также на берегу Диснийского океана королевства Аргон и Отан, а полтора десятка лет назад при отце Кая, когда тот возглавлял Совет, и расположенные севернее границ республики королевства Бирман и Ганорию.

Но мечтой растинских торговцев всегда было установление контроля над королевством Винор, на юге которого добывалась чудо-дерево винорская сосна, крайне необходимая для строительства кораблей.

Но мечта эта долгое время считалась неисполнимой – Винор был слишком большим и сильным королевством, да ещё и состоял в союзе с Хадонской империей.

Но однажды показалось, что удача сама просится в руки республике.

Сначала начала распадаться и погружаться в хаос гражданской войны империя, затем началась смута в Виноре.

Не воспользоваться таким моментом Кай Шитор не мог. Он и выдвинул на Совете идею – подтолкнуть алчных и туповатых баронов южного Винора к отделению от королевства. Даже предложить им полуторное повышение закупочных цен на сосну – всё равно после устранения королевских таможен, бравших три цены сверх закупочной, прибыль маячила огромная.

И поначалу всё получилось. Пока в ситуацию не вмешался непонятно откуда взявшийся барон Олег Ферм.

Поняв, что уснуть не получается, Кай встал с постели и пошёл к себе в кабинет. Обнаружив за дверью, что дежурный раб нагло дрыхнет, присев возле стены, ударил его ногой в лицо.

– Скажешь управляющему, чтобы он тебе десять плетей всыпал, – и, увидев, как перепуганный раб уже было кинулся выполнять приказ, остановил его: – Не сейчас, утром.

В кабинете он налил себе простой воды и сел в кресло. Сна не было ни в одном глазу, впрочем, он уже начал привыкать к приступам бессонницы.

Его мысли направились на предстоящий в начале следующей декады сбор Совета дождей, на котором от него наверняка потребуют распустить те семь полков наёмников, которые были им взяты на службу в помощь королю Толеру для войны с Бирманом. Но война из-за быстрого разгрома, который устроил барон Ферм королевским полкам Геронии и наглому нападению на это королевство империи, отнявшей Ригскую провинцию, не состоялась. И теперь наёмники просто прогуливали деньги, полученные, по сути, ни за что.

Размышляя, как ему убедить дождей в необходимости не распускать наёмников, а, наоборот, усилить их новыми отрядами и направить на юг Винора кораблями по Ирменю, минуя Бирман, чтобы разгромить владения Ферма, пока тот со своими магинями будет в Фестале, Кай встал и подошёл к тайнику, где лежала часть главных богатств, торговой и финансовой семьи Шиторов, насчитывающей более полутора тысяч человек различного пола и возраста.

Основу богатства его семьи составляли не корабли, не верфи и не золото. А долговые расписки королей, герцогов, графов, глав торговых компаний, на основе которых семья и выпускала свои векселя, защищённые родовым заклинанием Знак Шитора.

Конструкт этого заклинания держался в строгой тайне, и знали его только четверо из обладающих магией членов семьи. В это число входил и сам Кай. Будучи очень слабым магом, он всё же мог пару раз в декаду напивать конструкт тайного родового заклинания.

Если бы верховный дож знал, что тот, против кого он планирует войну, обладает небывалым до него в этом мире заклинанием Познание Плетений, которое позволяет легко определить и воссоздать конструкт любого родового заклинания, то он наверняка бы предпочёл не ссориться с такой особой.

Глава 2

Ворота поселения Распил, которое всё больше по своим размерам напоминало город, были распахнуты перед кавалькадой из десятка всадников, подъезжавших со стороны Пскова.

Капитан Одмий, начальник охраны Распила, предупреждённый дозорами о приезде графа и виконтессы ри Шотел, лично встречал их на въезде в поселение.

– Добро пожаловать, ваши сиятельства, – Одмий, хоть немного и беспокоился, как беспокоится и любой служака при появлении начальства, приезду Олега и Ули был, и правда, рад.

– Привет, Одмий, – остановил коня Олег. – В гостиницах места найдутся?

– Для вас – всегда, господин, госпожа, – улыбнулся, оценив шутку графа, капитан.

Размер бревенчатой стены, в которой были устроены ворота, был не более сотни шагов в одну и в другую сторону. Причиной тому – быстрый рост поселения.

Первый вал, который насыпали под строительство стены, пришлось срывать и переносить дальше, потом пришлось эту процедуру повторять ещё дважды. В конце концов, Олег приказал прекратить этот мартышкин труд.

Нет, он не собирался отказываться от строительства стены вокруг Распила, особенно учитывая значимость этого поселения в экономике баронств, а теперь ещё и в экономике графства. Но отложил этот вопрос до лучших времён.

Поднимая пыль, кавалькада проехала по улицам поселения до здания местной администрации. Старосту поселения Олег ещё не произвёл в городского Голову, но вскоре собирался это сделать. К тому же остальные атрибуты городской власти здесь уже были – комендатура во главе с капитаном Одмием и тайная служба во главе с лейтенантом Тропаном, одним из самых толковых и въедливых офицеров Нечая.

Пока и комендатура, и тайная служба находились в одном двухэтажном здании, построенном из красного кирпича. К нему Олег и направился.

– Я съезжу в Отшиб? Или тут буду нужна? – спросила Олега кровная сестра.

– Да, езжай, я же вижу, как тебе не терпится посмотреть малыша.

Отшиб, который изначально построили в паре лиг от Распила, чтобы вонь от тамошних производств не тревожила основное поселение, всё же добрался до Распила. И произошло это путём естественного расширения посёлка при строительстве новых производств, складов и амбаров, конюшен и скотных дворов. А также жилых домов и бараков, трактиров и кабаков по мере заселения Распила всё новыми работниками и их семьями.

Теперь Отшиб был одним из районов Распила, где работали и жили мыловары, изготовители красок, клея и селитры. А царствовал там среди своих медных и стеклянных колб, пробирок и мензурок бывший отравитель, а ныне личный химик графа ри Шотела Ринг.

Женой Малоса, помощника Ринга, была бывшая рабыня-подруга Ули Тимения, которая две с половиной декады назад родила дочку.

Виконтесса, узнав об этом, сразу же порывалась поехать в Распил, но согласилась задержаться в Пскове и поехать чуть позже, вместе с Олегом.

Возле недавно построенного, белешего свежим деревом, трактира Уля, помахав Олегу рукой, повернула свою лошадь на улочку, ведущую к речке. Вместе с ней от кавалькады отделилась и пятёрка девушек-ниндзя. Несмотря на многочисленные просьбы сестры, Олег своё давнее решение о постоянной охране баронеты-виконтессы отменять не стал.

Граф ри Шотел бросил поводья часовому, стоявшему у здания комендатуры, в котором с торца был отдельный вход в местное отделение тайной стражи, куда он и направился, вместе со своим секретарём-адъютантом капитаном Клейном, дав команду тройке сопровождавших его егерей оставаться на улице.

На крыльце его встретил лейтенант Тропан, один из подчинённых барона Нечая Убера, такой же молодой мужчина незапоминающегося вида.

– Ну, где там наш разведчик, веди к нему, – сказал Олег лейтенанту после взаимных приветствий.

Тропан провёл их по узкому коридору вдоль небольших окон до последней в ряду двери.

– Сюда, – пригласил он графа и его адъютанта, открыв дверь внутрь кабинета.

При их появлении находившийся в кабинете мужчина, в одежде небогатого купца, поднялся с дивана, расположенного вдоль левой от окна стены.

– Ты и есть Морс? – уточнил Олег, – трудно узнать. Садись, – он указал на один из шести стульев, стоявших вокруг стола.

Сам граф тоже прошёл к столу и сел в кожаное кресло хозяина кабинета. Клейн и Тропан по его жесту заняли места рядом.

– Рассказывай, какими судьбами тут оказался.

Морса Олег совсем не помнил, да он и видел-то его пару раз. Бывший безработный наёмник, когда-то согласившийся участвовать в похищении Ули, был по её просьбе помилован, отделавшись только наказанием палками. Морс, будучи исцелённым баронетой, помог ей добраться до своих и рвался служить ей любым способом.

Такая возможность у него появилась случайно, благодаря самому удачливому и самому мерзкому из агентов Агрия, наёмному убийце Лешику, который взял бывшего наёмника и несостоявшегося киднеппера себе в помощники.

– Так это, господа схватили, – смущённо ответил Морс, – господин барон, извиняюсь, господин граф, мне Лешик сказал, что господину Агрию, ему всё обсказать, как есть, но...

– Попался в руки людям Нечая, – продолжил его рассказ Олег. – Конкуренция разведки и контрразведки. Этого следовало ожидать рано или поздно.

При последних словах графа его секретарь и лейтенант тайной стражи с интересом на него посмотрели, но вопросов задавать не стали. А Морс, похоже, вообще ничего не понял и завис.

– Дальше рассказывай, – подбодрил его Олег и обратился к Тропану: – Пусть хоть воды принесут, раз уж ты, ожидая своего графа, чего-то получше зажал. – Лейтенант смутился и поспешил распорядиться, выскочив из кабинета. – А ты продолжай, не тушуйся, не съем.

– Мы же у Вурсия работали, у этого, который главный тут у растинцев был. Я уж не знаю, как там Лешик его окрутил, но доверял он ему очень сильно...

– Да понятно, не каждому всякие гнусные дела поручишь, – понимающе хмыкнул Олег.

– Вот. А когда они с Гонемом дела все сворачивали, то прибыл в Неров купец из Фестала. Только он не из столицы оказался. Это большая шишка из Растина был. Рог Карвин, это мы чуть позже узнали. А Лешик, тот сразу как-то это вычислил, и он ему все делишки Вурсия-то и рассказал. А там ведь не только против вас интриги были. Он вместе с Гонемом и своих облапошивали, и даже кого-то из конкурентов травили. А Рог Карвин, тот аж в Совете дождей у них сидит, он в ярости был. Говорил, что теперь понятно, почему тут всё, извините, господин граф, через задницу пошло. А Лешик, тот после этого в доверие к дожу вошёл. Он помогал вязать Вурсия с Гонемом и на суд, и расправу в Растин везти.

Олег повернулся к своему адъютанту и прокомментировал рассказ Морса.

– Наш пострел везде поспел. Я уже подумываю наградить Лешика. Может орден какой-то придумать? Орден за Хитрость?

– Он и так награждён, господин граф, – Клейн, как всегда, был невозмутим. – То, что он ещё не висит на ближайшем суку, это и есть для него награда, и, на мой взгляд, весьма достойная.

В этот момент вернулся лейтенант. За ним с подносом с вином и закусками топтался угрюмый мужик, напоминавший заплечных дел мастера, да, скорее всего, им и являвшийся.

– Не стесняйся, – когда вино было разлито, Олег показал Морсу на бокал: – В общем, вы оказались в Раistine. А сюда с чем прибыли, и где сам Лешик?

Морс отхлебнул вина, чуть не закашлявшись при этом, и начал вытирать ладонью пролившиеся на камзол капли. Бывший наёмник в купеческом прикиде выглядел весьма солидно. И дело было не только в одежде, но и в его пышущем здоровьем лице. Пусть с момента, как Уля применила к нему Малое Исцеление, и прошло больше полутора лет, но, видимо, от волнения тогда Уля вбухала энергии в заклинание, что называется, от души.

– Лешик должен уже быть в Нерове. С ним пятеро наёмников, кринцев. Со мной тоже ведь кринцы были, тоже наёмники, трое, – он посмотрел на Тропана.

Тот, поймав на себе ещё и вопросительный взгляд графа, коротко пояснил:

– Пока в камере сидят. В допросную ещё не таскали без вашей команды.

– Кринцы, это из Кринской империи? – уточнил Олег, – так вроде бы и с этой империей у растинцев отношения скверные? Что же это, наёмники из Крина служат врагу их родины?

– У наёмников родина там, где платят, господин граф, – счёл нужным влезть с пояснением Клейн.

– Да, господин граф, – продолжил Морс, – всё верно. Их нам дали вроде бы как в помощь, но мы сразу поняли, что это для пригляда за нами. А их выбрали, что они из дальних краёв. Мало шансов, что кого из своих земляков встретят. Тут ведь у вас сейчас много народа ото-всюду. Сказали Лешiku, чтобы в Нерове торговлишку для виду открыл. А, главное, чтобы смотрел, когда вы с господами магинями в столицу уедете. Дали клетку с голубями. Сказали сразу весточку слать. А мне сказали любыми путями к вашим производствам пробиться. Не к мьльному или кальвадоса, это они уже знают, что вы магией делаете. Им интересно насчёт тканей, красок и, главное, досок с брусом. Откуда всё берётся такого качества и в таком количестве.

В конце осени к Олегу приезжала Морнелия, магиня короля Лекса и давняя знакомая Гортензии. Женщина умная и упрямая. Она привезла устное послание от своего короля.

Предложения Лекса были весьма привлекательны для Олега, на первый взгляд. Да и, на второй взгляд, он каких-то подводных камней в этих предложениях не находил.

Король собрался восстановить на территориях южных баронств Винора герцогство, и предлагал своему барону Ферм герцогские атрибуты: корону, мантию и жезл.

Понятно, что были и условия. Но эти условия казались Олегу приемлемыми. Деньги? Сто тысяч лигров? Легко. Особенно в свете того, что его тугрики и рубли стали сверхпопулярной валютой – сколько он ни запускал их в оборот, всё вымывалось. Их брали и иноземные купцы, и свои, да и обычные люди старались их использовать для накопления. А лигры и солигры поступали как в виде налогов, так и в оплату за товары, распродажам которых препятствовали только производственные ограничения и иногда грузовые возможности пришедших к нему купеческих обозов и торговых караванов. Армин, его министр финансов и главный налоговый по совместительству, докладывал на тот момент, когда здесь гостила Морнелия, что в казне уже скопилось больше трёхсот тысяч лигров, не считая полусотни тысяч рублей в Псковском банке. Сейчас наверняка ещё больше. Олег забывал в последнее время уточнять финансовую информацию, увлечшись военным строительством и рудниками.

Ещё Лекс хотел получить и военную помощь, но сильно на этом не настаивал, не зная истинных возможностей своего нынешнего барона и будущего герцога.

Понятно, что Олег ответил согласием. И через восемь с половиной декад он должен был прибыть в столицу, чтобы там, в Фестале, в первый день лета, когда состоится свадьба короля Винора и принцессы Глатора, получить в обмен на свой свадебный подарок, пожалование из рук короля герцогских регалий.

Откуда о его поездке пронюхали растинцы, теперь уже и не важно. Может, и сами догадались, он не исключал и такого варианта. Всё же растинцы не дураки, это точно.

– А этот, Рог Карвин, он уверен, что я куда-то уеду?

Морс пожал плечами.

– С нами другой их вельможа беседовал. Он нам вообще не представился. Смотрел на нас, как на тараканов. Лешик потом полдня бесился, – усмехнулся бывший наёмник, вспомнив злость своего начальника, сам-то он относился ко всему спокойно. – Судя по тому, какой у него здоровый особняк, и как с ним почтителен был Карвин, шишка, видимо, немаленькая. Как бы и не самый главный там у них. Вот он-то и сказал, чтобы, значит, Лешик в оба глядел. Да и мне сказал, что если узнаю, что вы с госпожами уезжаете далеко, так сразу мчаться в Неров, где голуби.

– Ладно. Сведения своевременные. Спасибо. Что делать дальше думаете? – вопрос Олег задал уже лейтенанту.

– Шеф сказал передать их полковнику Агрию. Что теперь они с ними работать будут, – ответил Тропан. – Ещё он хотел организовать вам встречу с Лешиком, если захотите, конечно.

Когда Олег собрался уже уходить, Морс немного неуверенно добавил:

– Господин, нас там особо никуда не пускали, но Лешик, вы ведь знаете, он пронырливый, всё же пообщался кое с кем. Там наёмников полно и среди них ходят слухи, что их куда-то хотят отправить. Растинцы даже вроде бы чуть ли не легион Болза хотят нанять, и корабли за ним ушли. Я это и от своих кринцев узнал, они проговорились. Мне кажется, что растинцы что-то нехорошее задумали.

– Можешь даже не сомневаться. Задумали точно, – усмехнулся Олег.

Несмотря на усмешку, слухи о наёмном легионе Болза Олега насторожили. Этот легион был хорошо известен во многих государствах Тарпеции. И его слава не была дутой.

После тайной стражи Олег направился к Рингу. Химик у него теперь не просто химичил, а руководил всеми производствами Отшиба.

Поехали вдоль реки, которая сейчас представляла сплошной каскад плотин, на которых крутились колёса кажущихся бесчисленными механических монстров футуристического вида – всё, что только смог придумать и воплотить сумрачный баронский гений.

Ехать приходилось по грязным улицам мимо наспех построенных зданий, большинство из которых были жилыми бараками и кабаками. Поселение росло слишком быстро и нормального жилья тут ещё построили немного.

Из барачков выскакивали любопытные дети и бежали за компанией Олега, стараясь не попадаться на глаза и всякий раз прячась, когда он или кто-то из его спутников оборачивался.

– А вот кучи грязи и мусора с улиц надо убирать и вывозить, – выговаривал Олег Рингу, когда они вернулись с осмотра производств. – За работу производств хвалю, но и про жизнь в своём районе не забывай. Ты тут у меня старший, так что наводи порядок. А то развёл антисанитарию, понимаешь.

– Да вывозим мы. Просто не успеваем, – оправдывался химик.

Уля появилась, когда он уже собирался возвращаться в гостиницу. Была в прекрасном настроении, и все разговоры были о малыше Тимении, какой он ути-пути, ручки, ножки, глазки и всё такое.

– Ты бы не портила девчонку, Уля, – вздохнул Олег. – Зачем ты у неё «чэ эс вз» пробуждаешь? Ей же потом хуже будет. Если уж нужна она тебе как подруга, так забирай её в Псков. Что мы ей места под солнцем не найдём?

Как обычно, когда её кровный брат начинал использовать непонятные ей речевые обороты или слова, Уля не стеснялась переспрашивать и уточнять.

– Что такое «чэ эс вз», и почему мои подарки делают ей хуже?

– Чувство собственной важности. И делают ей хуже не подарки, – ответил по порядку Олег. – Ты уже взрослая девушка, ну посмотри вокруг. Видишь, как на тебя все пялятся и как

низко кланяются? Ты есть фигура особо важная и почитаемая. А когда такая важная фигура запросто заходит к кому-то в гости, то тот человек становится объектом всеобщего внимания. Твоей подруге будут завидовать и одновременно льстить. От неё будут стараться получить информацию и передавать через неё просьбы. Если кому откажет, то обида. И всё в таком духе. Ты не фыркай, а подумай на досуге. У Ринга теперь достаточно помощников и без этого – как его, мужа твоей подруги? – Малоса. Можем этому парню тоже, как и ей, дело найти рядом с нами. А так...

В Псков они вернулись раньше, чем Олег планировал. Полученные из Растина сведения необходимо было обсудить с соратниками. Поэтому поездку в замок Ферм пришлось отложить.

Город встретил его почётным караулом из стражников комендатуры и гвардейского полка. Олег ещё раз убедился, что егеря, несущие службу на дорогах, и его расширяющаяся почтовая служба ртом мух не ловят. Во всяком случае, перемещения своего босса отслеживают, а значит, можно надеяться, что вовремя отследят и своевременно доложат, случись что чрезвычайное.

Население города выросло заметно. Олег тщательно подходил к выдаче разрешений на поселение в городе, и хотя у него самого на отбор просто не было времени, он всё же постоянно держал на контроле деятельность комендатуры в этом вопросе и не пускал на самотёк.

Тем не менее население города уже приближалось к семи тысячам. Почти все бароны, даже те, кому Олег не дарил особняков, постарались получить себе и своим семьям место в городе, ну а раз имперский граф их счёл не заслужившими подарка в виде особняка, строили на свои – места им выделяли ближе к центральному проспекту.

Продолжали перебираться в город и торговцы с семьями, и простые ремесленники, и рабочие.

Строительство зданий из мрамора вдоль центрального проспекта было завершено.

Последним штрихом стало возведение возле западных ворот Гостиного Двора с просторной арочной галереей вокруг, где теперь была постоянная толкотня от покупателей.

Олег, проезжая по центральному проспекту, получал удовольствие и не скрывал это от себя.

Останавливаться возле штаба армии он не стал, ещё возле ворот получив сведения, что командующий Чек отсутствует в городе и прибудет из расположения второго пехотного полка только завтра. Поэтому он направил коня домой, чтобы отдохнуть с дороги.

Виконтесса сразу в свой особняк не поехала и остановилась возле Гостиного Двора.

– Олег, я прикуплю тут себе кое-что.

Когда Уля, поцеловав в щёку своего кровного брата, отъехала к аркаде, где вокруг неё уже стала быстро образовываться толпа, тщательно осматриваемая её девушками-ниндзя, адъютант Олега невозмутимо произнёс:

– Похоже, что сегодня ночевать у себя дома госпожа виконтесса не будет, – в ответ на вопросительный взгляд Олега добавил: – Конечно, это не моё дело, но, говорят, что ваша сестра иногда ночует в особняке барона Нечая Убера.

Глава 3

– Ты. Мой. Начальник. Тайной. Стражи! – еле сдерживая злость, Олег вбивал свои слова в голову Нечая, – Я. Должен. Знать. Всё!

Нечай стоял в кабинете своего графа красный от стыда, но с упрямо поджатыми губами.

– Я тебе верил, Нечай, – продолжил граф, немного остыв, – а ты меня подвёл. Ты решил, что сам можешь определять, что мне нужно докладывать, а что нет.

– Господин граф, клянусь, я вам верен и всегда буду верен, – искренне ответил Нечай. – Но Уля, я её люблю, мы любим друг друга. Это личное.

– Личное?! – опять завёлся Олег. – Она не девка из коровника. Она не просто моя сестра. Она магиня, на которой здесь держится половина всех дел. Всё, что касается её, не может быть личным. Понимаешь? Нет? Это ваша защита, когда я уеду от вас.

Последняя фраза графа настолько ошеломила Нечая, что он на какой-то миг даже забыл о своих любовных терзаниях.

– К-как уедете? К-куда? – заикающимся от удивления голосом спросил он.

– Т-туда! – передразнил его Олег, распаяясь ещё больше: – В глушь! В Саратов! Брошу здесь всё нахрен! Набью карманы золотом, а кармашек у меня есть такой, что там мне на всю жизнь хватит, и уеду на тёплое море. Живите тут, как хотите, раз сами всё можете решать. Если моё мнение никому не интересно.

Когда Олег остановил свою тираду, чтобы набрать в грудь воздуха, то услышал за дверью шум, а затем и выкрики Ули не меньшей эмоциональности, чем у него самого.

– А ну отойди от двери, гад! Пришибу сейчас! Это ведь ты, сволочь, Олегу рассказал?

Олег стоял возле двери кабинета и, поняв, что для Клейна реально сейчас всё может закончиться скверно, распахнул дверь в приёмную.

– Что за вопли, госпожа виконтесса?

Переход Ули от ярости к слезам был мгновенный. Разревевшись, она бросилась к Олегу и упала перед ним на колени.

– Олег, прости, я бы сама рассказала, я люблю его, он любит меня, мы хотели, Нечай хотел ещё тогда сказать, он не виноват...

Тут и Нечай повторил её поступок, бросившись на колени, правда, не разревелся при этом.

Вся злость с Олега схлынула. Уж сильно происходящее стало напоминать сценки из увиденных им когда-то отрывков индийских фильмов или латиноамериканских сериалов. Детский сад, какой-то. Если бы передача навыков ассасинов не была бы тем лучше, чем моложе ученик, то надо было бы постарше людей в разведку и контрразведку брать. Желчный злой старик в должности начальника тайной стражи был бы в чём-то лучше двадцатилетнего парня.

Нечай и его ровесники, естественно, лучше усваивали не только рукомашество, но и те знания о работах спецслужб, которые Олег получил от чтения соответствующих книг и просмотрев фильмов. У них были более податливые ко всему новому мозги. Но вот характеры, их надо выработать годами. Да ещё этот чёртов спермотоксикоз у некоторых.

– Так, встали! – скомандовал Олег. – Уля, иди умывайся, а то ты стала похожа на мышью мокрую, а тебе, полковник и барон, вообще не пристало так себя вести.

Услышав про сравнение себя с мышью, Уля невольно фыркнула, но с колен встать не стала, как и её обольститель.

– Олег, ну правда, ну прости, – она вытерла слёзы рукавом, позабыв всё, чему её учила Гортензия. – Мы действительно хотели тебе всё рассказать. Олег, братик, мне стыдно, что я тебе не говорила ничего. Честное слово.

Дальше всё пошло практически по канонам мыльных опер. Олег, уже теперь окончательно успокоившись, немного ещё поругал для порядка влюблённую парочку, но в итоге сменил гнев на милость, получив клятвенные заверения от обоих, что такого больше не повторится и скрывать они от него ничего не будут.

Когда всё успокоилось, за столом в приёмной кашлянул Клейн.

– Если вы всё выяснили, то позвольте вам напомнить, господин граф, что вы собирались ехать в штаб армии, – напомнил адъютант, – у вас там назначено совещание.

Олег посмотрел за окно и увидел, что солнце уже подходило к полудню. Вздыхнув, мысленно пожалел, что его попытки изобрести маятниковые часы, так ни к чему и не привели.

– Я с тобой, Клейн, ещё поговорю, – с угрозой в голосе сказала адъютанту Уля.

– А мы уже слёзки вытерли, с братцем помирились и теперь начинаем угрожать сотрудникам, честно выполняющим свой долг.

Этими словами Олегу в этот раз удалось смутить Улю.

– Извини, Клейн. Я была не права, – нашла в себе силы извиниться виконтесса.

Клейн только коротко поклонился, а Олег сказал:

– Взрослеешь.

В штабе армии Олега, приехавшего туда с влюблённой парочкой, ждал весь его главный командный состав, кроме командира второго пехотного полка барона Волма Ньетера, чей полк расположился на зимних квартирах в графстве Шотел.

В просторном, на четыре окна, совещательном зале на левой стене был натянута большой отрез толстой льняной ткани с картой Винора и соседних государств. По центру зала находился вытянутый почти на всю его длину овальный стол, вокруг которого расположились двадцать обшитых кожей высокого качества кресел, большей частью к моменту прихода Олега не занятых.

Кроме самого командующего армией генерала Чека Палена и полковника Торма Хорнера, на совещание прибыли: командир гвардейского полка барон Шерез Ретер, командир первого егерского полка баронесса Рита Сенер, командир второго егерского полка барон Асер Дениз, первого и третьего пехотных полков барон Женк Орвин и ставшая баронессой, получив один из замков в графстве Шотел, бывшая наёмница и помощница Риты – Кабрина Тувал.

Ещё одним участником совещания был бывший геронийский генерал граф ри Крет, несправедливо обвинённый королём Толером в государственной измене, хотя вся вина генерала заключалась в том, что армия Геронии, столкнувшись с новыми формами ведения боевых действий её противником, оказалась неспособной ничего этому противопоставить.

Но королю Геронии оказалось удобно свалить всю вину за поражение на мифическое предательство обычного служака.

Семья, начиная с его старшего сына – придворного лизоблюда, от него отреклась и унаследовала его графство. Самому генералу, предупреждённому оставшимися в столице друзьями, удалось бежать в Бирман вместе с оставшимися ему преданными офицерами, сержантами и солдатами, многим из которых тоже грозил трибунал, и таковых набралось почти полторы сотни.

Бирманская королева Иргония беглецам была не сильно рада – ри Крет в своё время доставил ей немало неприятностей. Впрочем, мстить им она не стала, но и на службу к себе не взяла.

Олег, узнав об этих обстоятельствах и испытывая острую нужду в опытных вояках, предложил графу возглавить формируемый кавалерийский полк, на что тот не без колебаний согласился. Вместе с ним к Олегу поступили на службу и бежавшие с ри Кретом воины.

«Я по гарнизонам и войнам болтался, а детей жена воспитывала. Вот и выросло то, что выросло», – объяснял Олегу граф поведение своих двух сыновей и дочери, отрёкшихся от отца, зато сохранивших себе доходы от графства.

Теперь ри Крет командовал первым и пока единственным у Олега кавалерийским полком. Пришедших с ним вояк Олег распихал на всякий случай по другим пехотным полкам.

– Всем здравствуйте, – приветствовал он своих командиров. – Садитесь, давайте без долгих вступлений. Чек? Торм?

Командующий посмотрел на своего начальника штаба, и тот поднялся.

– Если позволите, граф, доложу я, – начал он и, заметив кивок Олега, продолжил: – Мы обдумали то, что нам сообщили Нечай и Агрый, в общем, мы, думаю, сможем и при вашем отсутствии надрать задницы наёмникам растинцев. Только нам надо готовить дополнительные силы.

– Да ты сиди, Торм, к чему этот официоз? Все свои, – сказал Олег. – И давай определимся, чего мы ждём, на что рассчитываем и какие дополнительные силы нам нужны.

Ситуация, на первый взгляд, не была слишком сложной. Единственным недостатком его армии Олег и его командиры считали недостаточный по сравнению с наёмниками боевой опыт. Зато во всем остальном были сплошные плюсы.

У графа ри Шотела, барона Ферма «под ружьём» было семь полков нового строя, которые заведомо превосходили любые полки, хоть имперские, хоть королевские. Их преимущество было в новой лучшей организации; в однообразном и качественном вооружении – механические кузни работали, что называется, день и ночь, штампуя латные доспехи; и в более высокой физической подготовке.

Олег никогда не служил в армии, хотя военная кафедра у него всё же была за плечами, но устройство полосы препятствий он примерно представлял.

Идея с полосой препятствий, вброшенная в массы, а массы состояли из Чека, Торма и Шереза, была с энтузиазмом подхвачена, творчески переработана и дополнена всякими чулками и манекенами для отработки ударов мечами и копьями.

Занятия шли целыми днями, перемежаясь поединками и спаррингами, как один на один, так и подразделение на подразделение.

Раненых и травмированных лечила как виконтесса, так и сам граф, заодно излечивая и от доставшихся с доармейской жизни болячек.

Отдельно сам граф ри Шотел проводил занятия с юношами и девушками, которых готовил по программе ассасинов, хотя и называл их ниндзя, после чего те продолжали службу и тренировки в егерских полках. Правда, наиболее способные отбирались на службу в разведку к Агрию и контрразведку к Нечаю.

Численное превосходство при любом раскладе было за Олегом. Кроме полков, общей численностью свыше десяти тысяч человек, он мог мобилизовать ополчение городов и поселений, а это, считай, ещё двадцать тысяч, пусть и плохо вооружённых и слабо обученных. А ещё было свыше полутора тысяч стражников комендатур и два инженерных батальона.

У Олега под рукой было девяносто четыре войсковых мага, из которых тридцать один имел резервы выше среднего уровня.

Офицеры долго спорили, стоит или не стоит отзываться из Шотела полк Ньетера. Олег в спор не вмешивался, стараясь, как обычно, занять позицию стороннего наблюдателя. Но слушал внимательно.

– Агрый сказал, что за наёмниками Болза корабли отправились за два дня до того, как его человек уехал из Растина, – Чек задумчиво постукивал по столу костяшками пальцев. – Получается, что легион или подплывает, или уже высаживается на берег где-нибудь возле Растина.

– В легионе никогда больше двенадцати баталий не было, – напомнил Торм, – это чуть больше шести тысяч. С учётом уже имеющихся семи полков наёмников, у растинцев под рукой окажется около тринадцати тысяч. Маловато против нас.

Полки наёмников были организованы во многом как и королевские, то есть насчитывали десять сотен пехоты, полтора десятка магов плюс некомбатанты обоза, чаще всего из рабов. Иногда в полку могла быть кавалерийская рота.

– Славу легиону принесли не столько наёмники, сколько маги. Болз их ещё с Оросской империи привёл, – напомнил Торму Чек.

Эту историю Олег уже слышал от Гортензии.

В Оросской империи армия в основном состояла из горцев Тервога, местности на юго-западе империи, откуда происходила третья династия оросских императоров. Горцы отличались от остального населения империи воинственным нравом, более крепким телосложением и невероятными упрямством и стойкостью. Оросская пехота, набранная из горцев Тервога, по праву считалась лучшей на континенте.

Около пятнадцати лет назад на смену третьей, тервогской, династии пришла новая, представлявшая культурную и образованную аристократию из латифундистов лугов и степей побережья Оросского океана.

В империи были введены экзамены на занятие любой должности. Чтобы получить хоть какой-то мало-мальски значимый чин, необходимо было сдать экзамен по письму, счёту, знанию законов и философии.

Дело вроде бы правильное, но вот только в отношении армейских чинов приведшее к катастрофе.

В течение нескольких лет должности в оросской армии стали занимать представители латифундистской аристократии, владевшие стилем и навощённой дощечкой лучше, чем мечом и арбалетом.

Тервогские горцы, веками верой и правдой служившие империи, почувствовали себя обиженными и подняли восстание.

Поскольку они, собственно, и были регулярной армией империи, то против них пришлось бросать многочисленные, но абсолютно непригодные к войне вооружённые толпы вчерашних горожан и крестьян. Потери те несли чудовищные. По некоторым сведениям, население империи сократилось чуть ли не на четверть, когда новому императору всё же удалось подавить бунт своей армии.

Болз был последним командующим бунтовщиков. После окончательного поражения горцев, при котором они потеряли больше четырёх тысяч солдат, уничтожив при этом почти одиннадцать тысяч победителей, им пришлось покинуть империю.

Болз создал легион наёмников, который пользовался огромным спросом на рынке военных услуг.

Баталии легиона Болз формировал в основном из земляков, но брал иногда и других наёмников, если те отвечали его повышенным требованиям.

Из Оросской империи с Болзом ушло больше сотни армейских магов, из которых почти половина были выше среднего уровня, а десяток не уступал в силах таким магам, как Гортензия.

– То есть, если мы не призовём магов из народного хозяйства, то суммарно, с учётом сейчас имеющихся в наёмных полках, у растинцев будет боевых магов больше в полтора раза? Так? – уточнил Олег, быстро проведя в уме подсчёты. – Причём их маги, если не учитывать нас, я имею в виду себя с сестрой и Гортензию, намного сильнее наших?

Олег ещё раз напомнил себе, что здесь сила мага возрастала по экспоненте, в зависимости от размера магического резерва.

– Не намного, но сильнее, – подтвердил Чек.

– Значит, несмотря на большое численное и качественное превосходство нашей армии, бои предстоят тяжёлые и потери будут огромные, – подвёл промежуточный итог граф ри

Шотел. – А если они ещё и будут не к битвам стремиться, а добратся до наших мастерских и цехов, то беды могут много принести.

– Так, может, не поедем? – спросила Уля, которая всё время совещания вела себя необычайно тихо, видимо, всё ещё под впечатлением последнего разговора с братом, – Ты и без Лекса можешь герцогство провозгласить. Все бароны и городские управы с радостью тебя поддержат. Да что там, давно ждут от тебя этого шага!

Если честно, то Олег и сам об этом подумывал. К тому же исторический пример, когда великий князь Московский Иван Третий отказался принимать от ордынского хана ярлык на великое княжение, а стал сам державу держать, то есть себя провозгласил самодержцем и царём, Олег помнил из школьных уроков истории. Почему бы и ему так не поступить?

Удержало его не чувство ответственности перед королём Лексом – Олег уже достаточно понял и принял правила политических игр, всегда расчётливых и циничных, а то, что условия, предложенные Лексом, показались ему лучшим вариантом из имеющихся.

– Нет, поедем. Как и приглашали, на свадьбу. Уже через восемь с небольшим декад, – решительно отверг он предложение виконтессы. – А как лучше сделать, решим по результатам работы ребят Агрия. Что они нам ещё интересного добудут.

В этот раз на совещании конкретных решений так и не приняли, кроме предложения Олега создать для новобранцев учебку, чтобы в полки они попадали уже относительно подготовленными.

Из штаба армии Олег, посетив ещё и комендатуру, отправился, в сопровождении Главного коменданта Бора, в промзону, которая давно уже превратилась в огромное рабочее поселение, приносившее Олегу в последнее время огромную головную боль. Промзона разрослась настолько, что давно бы уже прилепилась к стенам Пскова, если бы не драконовские меры, принятые Олегом вплоть до сожжения хибар, самовольно возводимых в запрещённой для строительства зоне – ближе трёхсот шагов от городской стены.

Сестра со своим любимым Нечаем тоже имела планы на вечер. И они касались не только любовных дел. Уля часто помогала начальнику контрразведки в его работе и делала это с удовольствием. А причиной тому был слишком длинный язык её кровного брата, за каким-то чёртом рассказавшим ей историю о мифическом правителе с западного побережья Тарпеции Харуне аль Рашиде, который, переодевшись в простонародные одежды и загримировавшись, ходил неузнанным среди своих подданных.

Во-первых, Улю заинтересовал грим. Что это такое, она, как и любая женщина, оценила сразу же. Что добавило работы не только Рингу и его отряду химиков, но и магам во главе с Валмином, которым и сама Уля с удовольствием помогала. Результатом их деятельности стали первые в этом мире образцы губных помад, кремов для лица и рук, туши для ресниц, лака для ногтей, духов, одеколонов и, в конце концов, красок для грима. Помимо начавшегося резкого увеличения доходов, парфюмерно-макияжно-гримёрное производство начало приносить пользу и в деле шпионажа за подданными.

Во-вторых, Уле понравилось неузнанной бродить с Нечаем среди простых людей и участвовать в народных, а иногда и откровенно босяцких развлечениях.

Теперь-то Олег узнал, что была и третья причина – возможность уединиться с любимым, который, тоже ухарь, соединял полезное с приятным, дрянь такая.

– Два десятка зачинщиков арестованы, – докладывал по дороге в промзону Бор, – но отправлять балбесов в допросную к Нурию, я пока не стал. Хотя повесить парочку для острастки не помешало бы.

Олег поморщился.

– Из-за обычной кабацкой драки? Да брось. И так разных татей хватает. Там же не убили никого? – уточнил он.

– Не убили, но чуть не спалили заведение Балды. А там так всё скученно, что полыхнуть могло – мало бы не показалось.

Они как раз проезжали мимо бараков, где жили рабыни, работавшие на одной из прядильных мануфактур, когда оттуда вывалилась тройца довольных, крепко подвыпивших комендатурских стражников.

– Ого, – присвистнул Олег, – твои оборотни в погонах? Неплохо так у нас стража живёт на страже закона. Вот этих разрешаю повесить. Как ты говоришь, для острастки.

Бор побагровел от злости на своих подчинённых и от стыда перед своим боссом.

– Кувер, скотина! – заорал он, – это ты так патрулируешь?

Тройца, растерявшая свой довольный вид, увидев коменданта, попыталась изобразить служебное рвение, но узнав графа ри Шотела, хозяина всего и вся тут, мигом сникла и побледнела.

Олег не хотел целенаправленно чьей-то крови, поэтому немного поправил себя:

– Бор, насчёт повесить я пошутил. Разберись сначала, может, они оперативную работу проводили. Ну помнишь, о чём я тебе рассказывал?

– Господин граф! – к ним спешили главные мастера прядильных и ткацких мануфактур Рудаз и Корвал, видимо, предупреждённые кем-то об очередном прибытии высокого начальства.

Глава 4

Усилившийся к вечеру запах тухлятины со стороны Вонючки, выпадающей в Псту небольшой речушки, названной так из-за того, что она давно использовалась для стока нечистот, не сильно тревожил Кастета, он уже давно привык.

Да и не так уж сильно-то тут, в огромном поселении под Псковом, называемом странно – Промзоной, и воняло. Во всяком случае, по сравнению с теми городами и поселениями, где Кастету приходилось раньше бывать.

– Ростик требует своих денег, – Малыш Гнус шмыгнув носом и почесал на голове давно не мытые сальные космы. – Говорит, что будет ждать до завтрашнего утра, а потом...

– Он решил мне угрожать? – прервал одного из своих шестёрок кабатчик. – Не много ли он о себе возомнил? Ладно, – увидев равнодушную реакцию Гнуса, которому действительно было пофигу, как его босс выйдет из ситуации, успокоился и сам. – Пойдём за мной. Ты тут пока один торгуй, – сказал он своему рабу, рыжему молодому мужчине с плутоватым лицом.

Кастет, пройдя пару шагов, повернулся к низкой двери, устроенной сбоку в коридорчике, ведущем от барной стойки в подсобные помещения.

Согнувшись в три погибели, он еле прошёл в дверцу и, подождав Гнуса, тщательно закрыл её на все два засова и замок.

Гнус, с масляной лампой в руке, спустился по лестнице вслед за Кастетом в длинный подвальный проход, освещаемый только светом из расположенных вверху круглых отверстий для воздуха, и по обе стороны которого располагались по три зарешеченные камеры. В двух из них находились люди.

В первой слева камере сидел давний знакомец Гнуса карманник Пушок, заподозренный Кастетом в утаивании украденного, и хотя он на все вопросы с побоями клялся Семерыми, что ничего не скрывает, кабатчик, главарь их небольшой, но уже уважаемой банды, ему не верил и третий день держал за решёткой, время от времени устраивая очередной допрос с пристрастием.

– Кастет, – кинулся к решётке Пушок, – ну хватит меня тут держать. Выпусти. Я ведь правда...

– Заткнись, дерьмо. Вечером приедет большой босс, он и решит, что с тобой делать. Я тебе, сучий потрох, не верю.

У Кастета, вообще-то, были основания так говорить, он своими глазами видел количество денег в кошельке у расплачивавшегося с ним за стойкой клиента. А вор срезал этот кошелек буквально в десятке шагов от его кабака. Ну и куда на этом коротком отрезке пути терпила мог деть деньги?

Кабатчик давно бы тихо удавил крысёныша, да его в своё время ему рекомендовали серьёзные люди, с которыми он вёл дело. Потому и держал Пушка пока в клетке, ожидая решения своих бугров.

В последней от начала прохода, находящейся также слева, камере, прикованное за ногу на цепь сидело нечто с кожаным ошейником, напоминающее женщину.

– Подожди, – сказал Кастет Малышу Гнусу. – Не могу пройти мимо этой падали.

– Мне тоже хочется пообщаться с этой свиньёй, – злорадно оскалился Гнус.

Так получилось, что в этот раз в подземелье Кастета оказались только знакомые Малыша. Но если против Пушка Гнус ничего личного не имел, то вот к находящейся в последней камере Тупице у него как раз личные счёты были.

– После меня, – остановил порыв Гнуса кабатчик.

Кастет открыл решётку и вошёл в камеру. Сидевшая раздетой в камере грязная здоровая бабища с разбитым лицом и кровавыми синяками на теле тихонько утробно завывала и отползла в угол, где было отверстие для оправки нужды.

Но отползание мало помогло этой грязной глыбе мускулов. Кастет снял с крюка на стене короткую, но толстую кожаную плеть и принялся со всей силы избивать бабищу.

Та выла, опустив голову, стараясь спасти её от ударов тяжёлой плети, и закрыв рот руками, чтобы её крики не были слышны за пределами подвала.

Тупица, так звали избиваемую рабыню, знала, что если она громко закричит, то хозяин вырвет ей язык, как он однажды сделал с её подругой, недавно погибшей в гладиаторской схватке.

Сама Тупица тоже была гладиаторшей и знала, за что уже второй день подвергается жестоким побоям и издевательствам от своего хозяина.

Кастет, помимо четырёх кабаков, был владельцем нескольких складских помещений, в одном из которых вместо хранения товаров была устроена площадка для боёв без правил. Ну почти без правил. Единственное правило всё же было – запрет на использование какого-либо оружия, что не мешало тому, что иногда поединки заканчивались смертью проигравшего.

В этих боях участвовали как рабы-гладиаторы или рабыни-гладиаторши, так и бойцы из свободных, зарабатывающие себе этими боями на жизнь. Кастет и сам в прошлом был одним из таких свободных бойцов, о чём до сих пор напоминал его сломанный, почти вдавленный, нос.

На эти бои приходило множество людей с деньгами, и платили за такие развлечения достаточно щедро. Но главный денежный поток от боёв шёл через тотализатор.

У кабатчика были сейчас и трое своих личных рабов-гладиаторов, помимо Тупицы, которые довольно часто успешно выступали в поединках, принося Кастету неплохой доход.

Ростик, своему коллеге-конкуренту, державшему в своих цепких лапах бандитов по другую сторону Вонючки, Кастет задолжал не очень большую, но всё же ощутимую для них сумму – двадцать рублей или шесть тысяч тугриков. Изымать из оборота столько денег кабатчику не захотелось, и он решил рассчитаться с Ростиком через тотализатор, поставив на противницу Тупицы десять рублей.

Шансы Тупицы в бою оценивались выше, поэтому десять поставленных Ростиком на неё рублей как раз и должны были принести тому выигрыш в двадцатку.

Вот только эта тупая, тупейшая Тупица, впад в ярость боя, забыла всё, что ей втолковывал хозяин, и забила свою соперницу чуть ли не до смерти.

Так и вышло, что вместо того, чтобы избавиться от долга Ростик, Кастет попал ещё на десятку.

Ярости кабатчику добавляло и подсознательное понимание им того, что он сам виноват в произошедшем. С Тупицы что взять? Она на то и Тупица. А ему-то надо было помнить, что его гладиаторша, и так-то больше похожая на животное, в бою вообще превращается в зверя.

Когда Кастет закончил истязание рабыни, та уже хрипела сквозь свои ладони, зажимавшие рот, а её тело били судороги.

Пока кабатчик вешал на место плеть, к Тупице подскочил Гнус и попытался помочиться на неё. Но был отшвырнут Кастетом.

– Отойди от неё, я сам с этой тварью буду расплачиваться, – Кастет сделал шаг к гладиаторше и со всего размаха пнул её в лицо, разбив кровавую корку на нём в новый поток.

– Я сорок пять тугриков из-за неё проиграл, – возмущённо пискнул Малыш Гнус, для него это были большие деньги.

– Потому что ты дебил, – хохотнул Кастет. Проигрыш Гнуса хоть немного поднял ему настроение. – Пошли дальше.

Когда кабатчик закрыл решётку камеры, где осталась глухо стонущая, потерявшая сознание Тупица, они пошли к концу прохода.

Там находилась лестница, которая вела вверх, к двери такого же размера, как и та, через которую они сюда спустились.

За ней находилась небольшая каморка с ещё одним выходом из неё, в которой на полке лежали мешочки, наполненные дурманом.

– Бери вот эти два, – показал Кастет. – Отнесёшь Ростику.

– Сейчас? Днём?! – возмутился Малыш.

– Что тебе не нравится, придурок? – завёлся с пол-оборота кабатчик. – Какой тебе сейчас день? Скоро уж темнеть начнёт. Бери, и вот через эту дверь уматывай. Ты сразу на Кривушку выйдешь. А ты на этой улице когда последний раз комендантский патруль видел? Пшёл отсюда, урод, пока к этим двоим не определил в соседи, – Кастет мотнул головой в сторону камер.

Или успокоенный доводами кабатчика, или напуганный его угрозой, но Малыш Гнус молча взял указанные ему мешочки и выскочил за дверь.

Проводив Гнуса, Кастет вернулся тем же путём, что и пришёл сюда. Проходя мимо камеры Тупицы, плюнул сквозь решётку на бессознательное скрюченное тело. Правда, попал в прут решётки.

Пушок в этот раз голос не подал, видимо, впечатлённый расправой над соседкой.

Рыжий раб бойко торговал за стойкой. Подойдя к нему, Кастет полушёпотом, чтобы не привлекать внимания, сказал ему:

– Пушку только воду давай, пусть без еды посидит, а этой падали вообще ничего не давать.

Раб понимающе кивнул и радостно оскалился – Тупицу он недолюбливал давно.

– Хозяин, тебя тут девка дожидается, – он кивнул в сторону обеденного зала.

Кабак Кастета, главный и лучший из его питейных заведений, меньше всего напоминал бандитский притон.

Наоборот, для этого района возле Вонючки это было, пожалуй, самое приличное заведение, которое с удовольствием посещали мастера, работники и работницы с мануфактур и мастерских.

Большинство из этих работников или были свободными изначально, или уже давно выкупившимися сервами. Странности здешних порядков многих удивляли – сумму выкупа барон Ферм, ставший графом при Шотелом, установил невысокую, а платил он немало, а, с точки зрения сервов, в прошлые года никогда не державших в руках больше десятка солигров, так и вовсе платил огромные деньги.

Приходили сюда и работающие на производствах сервы с сервками, которые, особенно в последнее время, и не торопились скопить на освобождение, предпочитая тратить получаемые деньги на другое, в том числе и на развлечения.

При взгляде в сторону зала настроение Кастета сразу же поднялось.

И дело было не только в том, что просторный зал на сотню человек был почти полностью забит, и не только в том, что на сцене выступал бард, приехавший аж из Нимей, второй столицы королевства, а в том, что, прислонившись к стенке между окон, потерянно стояла симпатичная девушка, которая скоро будет удовлетворять все его прихоти.

Увидев взгляд Кастета, девушка вздрогнула и робко стала протискиваться к нему, обходя столики с посетителями.

Кабатчик осмотрел зал и удовлетворённо кивнул, сегодня выручка опять будет рекордной – всё же бард не зря старается, надо будет ему ещё немного деньжат подбросить.

За одним из столиков сидела компания из пяти девиц, видимо, ткачихи или прядильщицы. Они пили чай с пирожными и зачарованно слушали певца, но что-то в них

Кастета насторожило. Впрочем, его настороженность не успела сформулироваться в конкретную мысль, как подошла намеченная им для сегодняшних развлечений девушка.

– Я пришла, как вы сказали, – её голос был настолько тихим, что кабатчик его еле услышал.

– Не тушуйся, малышка, и не грусти, – радостно и плотоядно заулыбался Кастет, – А то смотри, понравится мой дружок на вкус, так ещё и напрашиваться ко мне будешь.

Рядом радостно заржал рыжий раб, но под строгим взглядом, который бросил на него хозяин, тут же заткнулся.

– Мне пока некогда. Иди посиди где-нибудь в зале, – кабатчик показал подбородком в сторону столов, откуда только что пришла девушка, – послушай моего певца. Да, я тебя сегодня угощаю. Цени.

Он подошёл к девушке вплотную и провёл рукой по её ягодице.

Когда та покраснела, то Кастет засмеялся и пошёл на кухню, бросив пробежавшей мимо рабыне-официантке:

– Принеси ей, что закажет.

Девушка некоторое время потерянно пробиралась между стеной и первым рядом столов.

Хотела было пристроиться к пятёрке девушек-работниц, сидевших за столиком на шестерых, но, находившаяся с одной стороны стола пара из них, явно бы не стала сдвигаться и тесниться. Свободных столов не было, а за теми столами, где были свободные места, сидели, в основном, мужчины или смешанные компании приятелей.

– Ищешь, где сесть? Садись.

Девушка обернулась. Сзади неё, чуть сбоку от стола с пятью девушками, стоял небольшой столик на двоих, за которым сейчас сидели пригласившая её девушка со своим парнем, но там, и правда, можно было при желании разместиться хоть вчетвером. К тому же эта, чем-то немного странная, девушка подвинулась, освобождая для неё место на лавке.

– Спасибо, – сильно стесняясь, сказала она, – Мне правда надо где-то подождать одного... – она не знала, как ей назвать кабатчика Кастета и смутилась ещё больше. – Енга. Меня зовут Енга.

– А меня Уля, – весело представилась девушка. – А это мой жених Нечай. Правда он красивый?

Уля засмеялась. Её смех был настолько заразителен, что Енга на какой-то миг даже забыла причину своего прихода в этот кабак и тоже улыбнулась.

– Тебе чего принести, – довольно грубо спросила у Енги подошедшая к столику рабыня Кастета.

– Мне? – девушка немного растерялась, она совсем и не думала о заказе.

Но тут вдруг в разговор вмешалась её новая знакомая. Зрачки у неё будто сузились, а в голосе прорезался металл.

– Рабыня, тебя что, не учили вежливому обращению с клиентами? – от вроде бы спокойного голоса Ули даже у Енги пробежали мурашки, у рабыни же и вовсе словно ноги подкосились, а лицо побледнело.

– П-простите, госпожа, я принесу госпоже то же, что и вам, – тихо проговорила официантка, – М-мне можно идти?

– Иди, только возвращайся поскорее, пожалуйста, мы тебя очень будем ждать, – опять заулыбалась Уля.

Енге показалось, что в Уле словно два человека живут. Один из них только показался и тут же спрятался. Что-то с этой девушкой было не так. И рабыня вон как оглядывается с недоумением. Видно, тоже не понимает, что это сейчас было.

Тут и спутник Ули, её жених Нечай, произнёс непонятную странную фразу:

– Мало надеть парик, сменить одежду и наложить грим. Надо ещё и научиться сдерживать себя и, как он нас учил, не выходить из образа.

Задуматься о замеченных странностях Енга не успела – на сцену вернулся бард, который некоторое время перекусывал и выпивал за одним из сдвинутых двойных столов, куда его пригласила компания молодых парней и девушек.

Бард взял в руки гитару, какое-то время подтягивал и ослаблял струны, и, наконец, запел.

Он пел о юноше и девушке, описывая, какими они были красивыми, и как любили друг друга. Как он часто ей дарил цветы и подарки, а она ждала его целыми днями.

Затем музыка стала тревожной, и певец поведал, как парень, живший в соседней деревне, пошёл через лес к своей любимой, а в лесу повстречал разбойников. Как он сильно с ними бился голыми руками, но всё равно погиб в неравной схватке. А девушка его не дождалась, а, узнав о его гибели, утопилась.

Будь сейчас в этом зале хозяин этих мест барон Ферм, он же граф ри Шотел, он бы рассмеялся от этой слащавой и глупой басни.

Но у присутствующих в зале было другое мнение. Мужчины бурно стали стучать по столам, а женщины и девушки ревели в полный голос. Енга и Уля не были исключением.

Заплаканная рабыня-официантка, видно, работая, тоже слушала, всхлипывая, принесла бутылку вина, небольшую вазу мочёных яблочек и ягод и тарелку сырной нарезки.

– Давай стукнемся стаканами, так иногда делают в дальних странах, – утерев платочком слёзы, оставившие на её лице какие-то странные, хотя и еле заметные, потёки, произнесла Уля и подняла стеклянный стакан.

Нечай уже налил вина и Енге из той бутылки, что была у них. Когда Енга стала подносить свой стакан к Улиному, она невольно обратила внимание на холёные руки её новой знакомой. У ткачих или прядильщиц, кем, если судить по простенькому платьицу, была Уля, таких рук быть не может.

Но эта мысль прошла в голове Енги по краю сознания. Она всё ещё была под впечатлением от печальной истории барда, и не забывала цель, с которой она прибыла в этот кабак.

– С тобой что-то случилось? – участливо спросила Уля.

– Нет. Всё в порядке, – замотала головой Енга.

Уля попыталась настоять на ответе, но тут бард снова запел. На этот раз это была смешная песенка про мельника и мельничиху. Уля смеялась, а вот Енге было не до смеха.

– Давай ты мне расскажешь, я же вижу, что у тебя какая-то беда. Может мы тебе чем поможем?

В голосе Ули было столько участия, а её жених смотрел так доброжелательно, что Енга не выдержала и рассказала им почти всю свою жизнь. Если Нечай слушал несколько отстранённо, то вот Уля смотрела и слушала очень внимательно. Иногда, правда, отворачивала голову и, когда углубившаяся в свои воспоминания и переживания Енга ничего не видела, тайком проводила платком по глазам.

Девушка была родом из Банта, одной из центральных провинций Винора. Когда их поселение было разграблено и сожжено наёмниками герцога ре Винора, уцелевшие жители собрали из остатков имущества обоз и пустились в бег на юг королевства, не затронутый войной.

По пути даже на их скудный скарб нашлись желающие – банда разбойников напала и разграбила остатки имущества. Енге с женихом и её старшему брату с женой и двухлетним сыном удалось убежать в лес и спрятаться от бандитов.

Дальше они шли уже впятером, если считать и маленького Ниша. Питались найденными в лесу ягодами и грибами и постоянно голодали.

Уже на территории баронств, её жених на одном из полей сорвал две тыквы, но был пойман поселковыми сторожами. Их тогда всех поймали, долго били и бросили в яму, где они и просидели больше декады.

Еду и воду им, правда, давали, но маленький Ниш всё равно умер.

Потом их передали городской страже Нерова, и они из поселковой ямы переселились в городскую тюрьму, где ожидали своей участи многие десятки таких же бродяг.

Её жениха, как провинившегося в воровстве, казнили одним из первых. Ему отрубили руки и повесили вниз головой – частая казнь для воров.

Енгу с братом и его женой, почти обезумевшей от смерти ребёнка, побоев и недоедания, тоже должны были повесить за бродяжничество. Но в город приехал господин Гури, управляющий барона Ферма и выкупил всех бродяг для своего хозяина.

Они с братом и его женой все были из семей потомственных горшечников, и работу нашли себе достаточно быстро.

Холопить и обращать их в сервов или даже в рабов барон не стал, хотя имел на это право.

Поэтому, как только они устроились в баронстве, брат сразу стал прилично зарабатывать, да и Енга с невесткой научились наносить на глину красивые рисунки. Они так и держались друг друга.

Дела пошли в гору, особенно после того, как получили заказ на изготовление огромного количества керамической плитки, которую у них потом забирали и везли к магазинам на укреплении, чтобы использовать для устройства тротуаров в Пскове и других городах и замках.

Платили щедро, так что удалось построить дом в два этажа, жена брата ждала ребёнка, и Енга сама стала задумываться об устройстве своей судьбы – не вечно же жить с братом, хоть и любимым.

Тут и пришла беда, тем более ужасная, что совершенно неожиданная.

Рядом с кварталом горшечников был квартал кожевников. Когда-то, когда Промзона ещё не разрослась до нынешних размеров, между ними было довольно большое расстояние, которое со временем становилось всё меньше.

Кожевенное производство имеет особую пахучесть. Что и стало сначала объектом насмешек, а затем и ссор между соседями.

Драки между горшечниками и кожевниками стали частым явлением, но обходилось без жертв. Последняя такая массовая драка, в которой участвовали почти три десятка человек, случилась в кабаке Балды.

И всё бы ничего, но участвовавший в этой драке брат, сцепившись с одним из кожевников, вместе с ним нечаянно сшибли столб с масляным светильником, и не сразу обратили внимание на возникший пожар, а когда обратили, то там уже горели шторы.

Пожар достаточно быстро всё же потушили. Большого ущерба не было – даже подкупленные Балдой стражники комендатуры насчитали к выплате с обоих три рубля сто сорок тугриков возмещения ущерба и два рубля штрафа в городскую казну. Сумма ощутимая, но подъёмная, к тому же им обещали помочь и обе гильдии.

Но Балда вдруг выдвинул обвинение, а купленные стражники его в этом поддержали, что поджог, якобы, был устроен специально. А за умышленный поджог полагалась казнь через костёр.

Подлинным хозяином кабака Балды был Кастет. Об этом в районе Вонючки знали все.

Енга вместе с невесткой пришли к Кастету просить помочь и не губить им жизни. Тот сначала долго ломался, выдвигая, в основном, денежные претензии, но потом сменил гнев на милость и согласился повлиять на Балду, чтобы тот отозвал своё обвинение.

Но ценой за это должна была стать сама Енга.

Рассказав незнакомым ей прежде людям о своих бедах, Енга вдруг спохватилась и опустила голову.

Уля придвинулась к ней и обняла её.

– Не переживай, с этой свиньёй тебе не придётся больше иметь дел, – Уля, словно мать дитя, погладила Енгу по голове.

– Ты что, Уля! – испугалась горшечница, – Даже не вздумай лезть. Ах, я дура. Зачем я вам рассказала?

– Ты не переживай, – вступил в разговор жених Ули. – Ты правильно сделала, что сказала, и, главное, вовремя.

– Но брат, его сожгут!

– Если и сожгут, то кое-кого другого, – вдруг, снова превратившимся в металл голосом, сказала Уля.

«О, Семеро, кто же вы такие?!» – подумала Енга.

Глава 5

Люди для своей жизни нуждаются в огромном количестве вещей. Многие из них жизненно необходимы, а без каких-то и вполне можно было бы обойтись.

Улин брат никогда и не ставил себе целью лично организовывать производство всего и вся, да это и не было нужно – люди и без этого умели делать многое.

Так и получилось, что вокруг мастерских и мануфактур, организованных Олегом, возникли швейные, портняжные, кожевенные, горшечные, столярные, ювелирные, стеклодувные и прочие мастерские и цеха, которые открывали переехавшие в баронства вместе со своими семьями и рабами мастера и их ученики.

Тут же стали возникать жилые дома и бараки, склады и амбары, трактиры, гостиницы, постоянные дворы, конюшни, дешёвые кабаки, магазины, лавки, скотобойни – в общем всё, что обеспечивает людей в их потребностях.

В Пскове всё городское обустройство велось под жёстким контролем самого Олега – городской Голова с этим бы и не справился и, если бы не непонятное Уле долготерпение брата к рохле Лейну и его слишком добродушной жене Марисе, ведавшей уборкой городских улиц и парков, виконтесса давно бы приказала их пороть и гнать с должностей. А вот до других городов и поселений руки Олега просто не доходили.

Всё свелось к тому, что и обустройство Промзоны было брошено фактически на самотёк.

Под контролем держали только то, что Олег называл государственным сектором экономики и то, что с ним связано напрямую.

Присматривали за строительством и поддержанием в порядке набережной, территорий вокруг мануфактур и главных поселковых улиц. Хотя улицы можно было смело называть городскими – вокруг Промзоны не было стены, но размерами и численностью населения это поселение давно уже было больше многих городов Винора и продолжало расширяться.

Вкус к приключениям в кварталах для черни Уля почувствовала не столько из-за так ей понравившегося рассказа брата о правителе Харуне аль Рашиде, сколько, если быть честной перед самой собой, из-за возможности проводить много времени с Нечаем и при этом не чувствовать себя дезертиршей, отлынивающей от необходимой работы.

Ведь и Нечай в этих грязных нищих и рабочих кварталах не просто ради удовольствия время проводил, а работал, встречаясь со своими агентами, узнавая о потенциальных злоумышлениях и пресекая их. А Уля при нём вроде бы как и помогала в его работе.

К тому же Уле и правда понравилось менять внешность и экспериментировать с нею. Вместе с химиками Ринга она лично участвовала в экспериментах по перекрашиванию волос и излечивала рабынь, когда эксперимент с краской оказывался неудачным и приводил к выпадению волос или пигментации кожи.

«Наверное, это и есть та самая перекись водорода, которая лучше всего красит женщин?» – как-то спрашивал брат, с подозрением беря из рук Ринга большую стеклянную колбу с прозрачной жидкостью.

Перекрасившись в блондинку и увидев себя в зеркало, Уля была в таком восторге, что аж взвизгнула неподобающим виконтессе и баронете образом.

И хотя скоро быть блондинкой ей надоело, но с использованием перекиси, как назвал это жидкое вещество Олег, значительно упростилось использование других красок для волос. А похождения с Нечаем были для Ули ещё и отличным поводом для экспериментов со своей внешностью.

В кабаке Кастета они оказались после получения сведений от баронессы Геллы Хорнер, державшей под своим личным жёстким контролем всё происходящее на мануфактурах и в

мастерских, об увеличивающихся случаях появления на производствах работников, находящихся под действием неизвестного дурмана.

Вообще-то, расследовать подобные случаи должна была комендатура, и главный комендант Бор с получением этой информации рьяно взялся за поиски поставщиков дряни.

Какие-то успехи у него были – благодаря талантам палача Нурия и его помощников довольно быстро удалось выявить распространителей порошка, полученного из грибов, растущих в пещерах Винорского кряжа.

Но поимкой мелких распространителей все успехи стражей комендатур и закончились. Двое главных продавцов к моменту, как к ним наведалься стража, оказались мертвы, а один исчез в неизвестном направлении.

После этого продажа дурмана работникам мастерских и мануфактур полностью прекратилась, но по тем сведениям, которые получал Нечай от своих агентов в Промзоне, всё чаще начали появляться умершие от передозировки грибного порошка среди черни, перебивающейся случайными заработками, безработных, жриц любви, бездомных, иногда среди кустарей и мелких торговцев-коробейников, в основном проживающих в районах возле Вонючки. Кстати, настоящее название этого притока Псты уже никто и не помнил.

Гелла, когда Нечай сообщил ей эти сведения, только пожала плечами – да пусть хоть все сдохнут, а Олег, когда он обратился к нему, сказал, что дело контрразведки шпионов ловить, которые в последнее время со всех сторон норовят свой нос сунуть, а наркотой, так шеф назвал дурман, пусть комендатура занимается, им за это деньги платят.

Вот только Нечай подозревал, что в распространении грибного порошка не обходится без участия самих стражников. Да ещё и Олег сам ему однажды рассказывал, ещё в начале его обучения контршпионской науке, что где криминал, там и питательная среда для всяких чужих разведок.

Своими мыслями и тревогами Нечай поделился с виконтессой ри Шотел, де-юре и де-факто фактически вторым лицом в их государстве, и, естественно, вызвал у той разом вспыхнувший интерес, энтузиазм и желание немедленно приступить к поиску преступников.

На Кастета они вышли ещё декаду назад – одному из агентов Нечая удалось подпоить мелкого распространителя и узнать о том, где он берёт дурмящий порошок для своих клиентов.

Понятно, что Кастет не сам занимался этим делом, но те, кто распространял дурман, работали в его кабаках, что было бы невозможно проворачивать это длительное время, если бы сам кабатчик не был в это вовлечён.

Тратить время на собиранье доказательств вины никто не собирался, но на предложение Ули вырубить Кастета и отдать его в руки палачам, которые очень быстро получают все доказательства непосредственно от самого виновника торжества, полковник Нечай Убер отказался. Уроки, полученные им от Олега, не прошли даром.

– Бор так бы и сделал. Вот только ты помнишь, чем завершились его прошлые успехи? – напомнил он Уле об оборвавшихся на мелких распространителях цепочек поставок дурмана.

– Чем завершились? Гелла говорит, что больше среди работников мануфактур и мастерских одурманенные не попадают, – ответила Уля, обходя лужу из грязи, по дороге к кабаку Кастета.

– А тогда чем мы сейчас занимаемся? Это Гелле всё равно, что происходит в Промзоне, если это не затрагивает производств. Поставщики дурмана поэтому и обходят теперь стороной работников наших мануфактур, чтобы опять не нарваться на гонения. Но свою деятельность они не прекратили. И я вот думаю, а не решают ли они попутно ещё и другие задачи? Помнишь, мы об этом говорили?

Виконтесса задумчиво кивнула и тут же чуть не выругалась, едва не поправ ногой в конские яблоки.

– Так мы сегодня только следим?

В голосе Ули вовсе не было недовольства. Следить ей очень понравилось, особенно после того, как в Промзону приехали несколько бардов из Фестала и Нимеи, которые теперь выступали в разных тавернах и кабаках Пскова и Промзоны. Свои-то местные барды с их затасканным репертуаром уже даже Уле надоели, хотя желание её брата «выгнать этих нудных придурков нахрен» она категорически не понимала. Разве так можно относиться к исполнению таких прекрасных, трогательных и волнующих песен о любви и верности?

Перед походом в кабак Кастета она почти половину склянки крутилась возле зеркала, разглядывая свою новую стрижку, пепельно-русый цвет волос и простенькое платье из льняной ткани невысокого качества, в котором походила на молоденькую ткачиху с мануфактуры, ну очень-очень симпатичную ткачиху, просто красотку. Нечай ей несколько раз об этом говорил и заслужил поцелуй.

Единственное, на что Уля не решилась, это огрубить внешность рук – слишком уж много она стараний с утра вложила в эту ещё одну удивительную придумку брата, которую он называл маникюром.

– Нет, сегодня мы не просто следим, – наконец решил открыться Нечай, долго и специально державший интригу. – Сегодня нам потребуется твоя помощь.

– А что надо будет делать, – сразу наострила ушки виконтесса и остановилась, краем глаза отметив, как пятёрка девушек-ниндзя, изображающих из себя стайку юных беззаботных прядильщиц, отправившихся покутить после смены, тоже остановилась, сделав вид, что заинтересовались строящейся сценой для выступления уличных акробатов.

– Идём. Не останавливайся, – поторопил девушку Нечай, и они пошли дальше. До кабака оставалось меньше трёх сотен шагов. – Мой агент узнал, что к Кастету сегодня должны прибыть какие-то важные люди. Ну, важные в его, бандитском понимании. Нам-то они... в общем, нам надо их взять живыми. И вот их, а не Кастета, познакомить с мастерством Нурия. Заодно посмотрим, как поведут себя некоторые наглые коллеги из комендатуры Промзоны. А, может, даже и в псковской главной комендатуре кто-нибудь вспотеет от волнения.

– Живыми надо? Будут живыми, хоть, надеюсь, и недолго, – нарочито грозно сказала Уля и, рассмеявшись, толкнула друга в бок. – Делов-то. Шарахну Замедлением, и вяжите кого нужно.

Нечай с уважением посмотрел на свою любимую и некстати вспомнил неприятный для него разговор с шефом на тему: «А кто ты такой? Ты хоть понимаешь, где ты, и где ОНА?» Но вздохнул и отогнал это воспоминание подальше.

Уля словно почувствовала, о чём он задумался, и ещё раз его толкнула в тот же бок, только сильнее.

– Не тушуйся, прорвёмся, – повторила она одну из сентенций своего великого брата.

В кабаке Кастета народу, как обычно, ближе к вечеру набралось очень много. Если бы Нечай заранее через своих агентов и с помощью десятка тугриков не позаботился о паре столов – одного для себя с виконтессой и другого для пятёрки охранниц, то им бы пришлось стоять.

Надо отдать должное, кормили здесь очень неплохо. Уля даже дала себе зарок позаботиться о смягчении наказания здешнему повару – шансов вообще избежать наказания у кастетовской прислуги не было, за исключением рабов – им наказание за соучастие и доноительство не грозило, их просто продадут другим хозяевам.

Таковы были древние законы, даже раб, совершивший убийство, освобождался от ответственности за него, если он это сделал по приказу своего хозяина.

Понятно, что это больше было на словах, на деле же раба-убийцу, как правило, ждали сначала его выкуп родственниками жертвы, а потом мучительная смерть.

– Заходите, вон ваш столик, – один из охранников звероподобного вида, проводив их до середины зала, показал толстым, как сосиска, пальцем в сторону небольшого столика возле окна, а, получив сверху уже оплаченного пятитугриковую медную монету, оскалился гнилыми зубами в попытке изобразить благодарную улыбку.

– Отсюда плохо видно. И, наверное, плохо будет слышно, – капризно сказала Уля, когда они устроились за столиком и сделали заказ.

– Не отдыхать сюда пришли. А работать, – вполголоса ответил ей Нечай.

Когда Уля с аппетитом умяла принесённые ей тушёные свиные рёбрышки с овощами гриль и, не спеша попивая разбавленный сидр, ждала выхода на сцену барда, который слишком долго засиделся за столом с пригласившей его компанией молодых мануфактурных, судя по их одежде, работников и работниц, она и обратила внимание на стройную темноволосую девушку, растерянно стоявшую недалеко от неё среди занятых столиков.

Виконтесса ещё не потеряла вкус к случайным знакомствам во время своих походов под чужой личиной. Да и вряд ли скоро потеряет – ей уже до смерти надоело, как угодиничество окружающей её обслуги, так и заумные разговоры по работе с соратниками брата. Нечай не в счёт, Нечай – это любовь всей её жизни. Но как же скучно было бы без приключений!

Ей нравились знакомства, где её считали ровней, где можно было вести себя свободно, наплевав на этикет, который в неё вдалбливала Гортензия.

Никто из этих её случайных знакомых до сих пор так и не узнал, с кем они имели дело. К тому же Уля часто меняла внешность, и узнать её в другой раз вряд ли бы кто из них смог.

Ей нравилось помогать таким случайным знакомым, и тоже, как говорит брат, инкогнито – кому-то она через Геллу устраивала перевод на другую работу, кому-то помогала избавиться от несправедливых придинок, на кого-то бросала лёгкое, слабо напитанное заклинание исцеления, и те потом удивлялись тому, что пропала мучившая десяток лет боль в простуженной спине или исчезала одышка.

Енга ей чем-то сразу приглянулась. Может, своей беззащитностью, а может, готовностью пожертвовать собой ради брата. Да и история её жизни не оставила Улю равнодушной.

Но вопрос с её братом был не к спеху. Уля не успела завершить разговор с Енгой, как в дверях кабака показался бородатый мужик в одежде подсобного кузнечного работника, снял с головы обшарпанный картуз и, зажав его в правой руке, два раза провёл им по лбу.

Это был условный знак, означавший, что те, кого они ждали, прибыли во двор перед кабаком и сейчас войдут в зал.

Сильный толчок в спину агента, который тот получил от встретившего Улю с Нечаем кабацкого охранника, заставил довольно крепкого мужчину пробежать несколько шагов внутрь зала.

Возмущений или ответных действий охранники, которые всегда на входе этого кабака дежурили парами, не ждали – всем было известно, кому принадлежит кабак и что ждёт желающих качать права, которые об этом забудут.

Следом на входе в зал показались трое мужчин, одетых в дорожные костюмы состоятельных торговцев. Первым вошёл невысокого роста крепыш с перебитым, как и у Кастета, носом. Двое других были повыше, но их смурные лица тоже не соответствовали одежаниям добропорядочных торговцев.

Сам Кастет, кем-то предупреждённый, уже выбежал из подсобных помещений, поприветствовал вошедших и лично повёл их вдоль барной стойки в один из отдельных кабинетов для состоятельных посетителей.

Не обращая внимания на изумлённо разглядывающую её Енгу, которую потрясло резкое изменение Улиного образа, виконтесса, продолжая мелкими глотками потягивать разбавленный сидр, сформировала конструкт заклинания Замедление и накрыла им место, где как раз находились вошедшие гости.

Площадь заклинания Уля взяла с большим запасом, так, что замедлились до полного обездвижения не только гости и сопровождавший их Кастет, но и стоявшие у стойки раб-бармен, пара подвыпивших клиентов и не менее подпитая шлюшка, дежурившие на входе охранники, бард, только что завершивший очередную настройку своей гитары, и четвёрка посетителей, сидевшая за самым близким к барной стойке столом.

Памятуя о своей прошлой ошибке в применении этого заклинания к своим похитителям, в этот раз Уля разумно дозировала влитую энергию, чтобы обездвижить цели максимум на половину склянки.

– Внимание! Всем спокойно покинуть кабак. На сегодня представление закончено. Заказанную еду и выпивку забирайте с собой, – громким голосом объявил вставший со своего места Нечай.

Ещё до того, как он заговорил, с места сорвалась компания молодых парней и девушек, которые приглашали барда к себе за стол, и принялись резво вязать Кастета и его гостей.

Пятёрка Улиных ниндзя мгновенно окружила стол, за которым сидели Нечай с Улей и Енга.

– Барон Убер, – сказал кто-то, и произнесённое шорохом пронеслось среди собравшихся. Улю в её гриме не узнали.

Когда-то, когда Нечай и Уля были детьми, им однажды удалось улизнуть к озеру возле замка Ферм, прихватив с собой небольшой старенький невод, выброшенный кем-то за ненадобностью, и они стали неводить рыбу вдоль берега.

Уля до сих пор иногда вспоминала, как она расстроилась тогда до горьких слёз, когда попавший в невод небольшой косяк рыбок у них на глазах, уже перед самым берегом, ловко выскочил через разошедшийся шов в образовавшуюся дырку.

Сейчас посетители напомнили Уле тех рыбок. Так же ловко и молча они покидали кабак, со страхом оглядываясь на Нечая. Дёрнувшемуся было вслед за остальными не менее напуганную Енгу Уля удержала.

– Оставайся. С тобой я ещё не закончила, – сказала ей Уля, а увидев, как в опаске Енга вжала голову в плечи, ободряюще улыбнулась и положила ей руку на плечо: – Подожди немного. Я скоро освобожусь, и мы разберёмся и с твоим братом, и с твоим вымогателем, и с его подельниками, и с некоторыми стражниками, которые, похоже, совсем берега потеряли.

Глава 6

От шутливой мысли развесить в официальных кабинетах и присутственных местах свои портреты Олег отказался вполне серьёзно – талант здешних художников оказался под стать талантам здешних музыкантов, а любителем импрессионизма, авангардизма или какого-нибудь кубизма он никогда не был. Изобразить же что-то в духе классицизма здесь никто был не в состоянии.

Поэтому граф ри Шотел довольствовался креслом хозяина кабинета и смирился с отсутствием своего портрета на стене за спиной.

– Дурман везли из Рудного, там в посёлке целая организация занимается приёмом грибов у искателей, сортировкой, сушкой, перетиранием в пыльцу и расфасовкой, – докладывал один из младших офицеров Нечая. – Отправляли нашими же речными барками вместе с металлическими болванками.

Помимо своего баронского особняка, у Нечая в глубине северного парка был и рабочий особняк – приземистое двухэтажное здание серого мрамора с зарешеченными окнами и глубоким трёхуровневым подвалом.

Расследование вскрывшейся сети по распространению наркоты в Промзоне на своих первых же шагах высветило серьёзную вовлечённость многих комендатурских стражей в криминал.

Поэтому расследованием всей этой обнаруженной грязи занималась контрразведка, правда, с привлечением комендатурских мастеров заплечных дел во главе с Нурием.

– Мрази. Семеро, какие же они мрази. Я им верил... – Бор сокрушённо опустил голову. Он сидел напротив Нурия возле Т-образного стола, хозяйское кресло за которым занимал Олег.

Во взгляде Бора на барона Убера не было теплоты. Скорее, наоборот, там была злость за то, что тот так его подставил. А ведь мог, по мнению Бора, рассказать ему, и он бы сам во всём разобрался.

Впрочем, возникшая напряжённость между контрразведкой и местной полицией в лице их начальников Олега не тревожила. Он даже считал это полезным.

Правильность действий Нечая теперь ещё больше подтверждалась, когда воюющие от боли пытаемые стражники называли всё большее количество своих товарищей, промышлявших преступными деяниями. В ходе дознания всплыли даже имена начальника комендатуры Промзоны и его двух из трёх заместителей.

И дело не ограничивалось только крышеванием доставки и распространения наркоты. Воя и хрипя от боли в вывернутых руках, от ударов кнута или разбитых молотами костях пальцев, теперь уже бывшие стражники комендатуры рассказывали и о сборе дани, и об изнасилованиях, которые они совершали, и о незаконном обращении в рабство сирот и бездомных, и об афёрах с недвижимым имуществом, о покровительстве краж и даже убийств.

Олег понимал, в чём была главная проблема Бора. Это была кадровая проблема.

Если Нечай набирал себе людей, в основном разыскивая молодых способных парней из самых, что называется, низов, которых обучал по тяжёлой программе, часто даже с помощью самого Олега, и которые всегда помнили, что свои офицерские шевроны они буквально выгрызли у судьбы зубами, то вот Бор из-за необходимости как можно быстрее укомплектовать штаты комендатур сильными и опытными вояками пошёл по самому простому пути – он стал принимать в стражи баронских дружинников, которым надоело служить в охране замков, но которые не желали тянуть тяжёлую армейскую лямку.

Так что дело было даже не в том, в чём попытался найти оправдание Бор, не в более чем двукратном денежном содержании нечаевских офицеров по сравнению с комендатурскими –

сержант контрразведки получал четыре с половиной рубля в декаду, в то время как сержант стражи лишь два рубля. Дело изначально было в мотивации, с которой люди поступали на службу.

Впрочем, особого сочувствия к Бору у Олега не было, как и особой злости.

После доклада офицера в кабинет зашёл Нурий. Главный палач был чем-то немного смущён и от этого смущения переминался ногами на входе в кабинет, напоминая Олегу робкого крестьянина.

– Что-то случилось? – спросил он у палача.

Тот вздохнул и посмотрел на виконтессу ри Шотел, которая в это время сидела на подоконнике, болтала ногами, грызла яблоко и любовалась Нечаем.

Сегодня Уля изображала лесную охотницу. Она была в тёмно-зелёном брючном костюме, высоких сапогах и со скрученными в тугой узел на затылке волосами, выкрашенными в цвет воронова крыла.

Вот уж кому все эти эксперименты с изменением внешности приносили радость, так это сестре, благо испортить себе что-то надолго, ей не грозило – всегда под рукой было исцеляющее заклинание.

– Господин, – поклонился Нурий Олегу. – Там один из моих учеников слегка перестарался. Я боюсь, что один из клиентов может уйти. Нет, всё, что знал, он уже рассказал. Только вот до казни может не дожить. Я бы хотел попросить госпожу виконтессу, вас я просить не смею, исцелить сержанта... бывшего сержанта, – поправился палач.

Уля скривила лицо. Она вовсе не была неженкой, на войне ей приходилось излечивать такие раны, что давно уже ко всему привыкла. Вывалившиеся кишки из разрубленного живота выглядели и пахли так, что вид и запах районов возле Вонючки оставлял виконтессу равнодушной.

Просто те четыре дня, что шло расследование, Уля с интересом следила за его результатами и иногда даже влезала с советами, Впрочем, чаще не всегда к месту и не очень пригодными.

– Да повесите труп, и всего делов. Кого истязать на потеху черни и так у вас полно. Все камеры под завязку забиты, – отмазалась Уля. Ей было лень спускаться в подвалы.

Действительно, численность преступных группировок, размах их деятельности, выстроенные друг с другом отношения, раздел сфер и даже сращивание с теми, кто, вообще-то, должен был следить за законностью, всё это так не походило на ту преступность, которая была в этом мире раньше, что Олег заподозрил самого себя в провоцировании создания преступности нового вида. Он совершенствует технику и быт, а преступность начинает подстраиваться под изменившиеся условия жизни.

– Госпожа, прошу простить меня, но этот сержант, извиняюсь, бывший сержант, он девочек насиловал. И ладно бы рабынь, но он и свободных сироток пользовал, и даже пропавшая дочь мастера Корвала – это его рук дело. Он их потом всех убивал. Место, куда он трупы стаскивал, мы с него выбили. Простите, но без него на казнях никак.

Он просяще посмотрел на виконтессу, и та, вздохнув, спрыгнула с подоконника и пошла за палачом исцелять изувеченного насильника и убийцу.

– Бор, пусть тебе это будет хорошим уроком. Во-первых, смотри, кого берёшь на службу, а, во-вторых, постоянный контроль – вот, что тебе требуется, – Олег поднялся с кресла, потянулся и сделал несколько наклонов вправо-влево. За полдня, что он тут провёл, спина затекла, а тратиться на Малое Исцеление из-за такой ерунды не хотелось. – Тебе нужно создать что-то навряде службы внутренней безопасности. Людей для неё возьмишь немного у Агрия и немного вот у него, – Олег кивнул в сторону Нечая.

Тот попытался было протестовать против отдачи своих людей, но, наткнувшись на холодный взгляд графа ри Шотела, сдулся.

– Правильно думаешь, барон Убер, одно общее дело делаем, и прокол любого из вас, это ущерб нам всем, – Олег посмотрел сквозь зарешеченное окно на неухоженный дикий городской парк. Он специально распорядился, чтобы северный парк, в отличие от трёх остальных, оставался в первозданном виде. – Нам с тобой придётся в Рудный съездить. Его значение возрастает по мере роста добычи и плавки металлов, а всё никак туда не сподоблюсь съездить. А ты поможешь Бору навести порядок в тамошней комендатуре. Своих клиентов там ты уже знаешь.

– Мне тоже надо будет туда съездить, – отрешённо сказал Бор.

– А здесь кто за порядком следить останется? – этим вопросом Олег не только немного поднял главному коменданту совсем уж низко упавшую самооценку, но и дал понять, что пока не лишает его своего доверия.

Уля вернулась из пыточных застенков достаточно быстро.

– Всё. Живой и абсолютно здоровый, – сказала она, имея в виду излеченного ею насильника и убийцу. – Теперь Нурий на площади сможет показать всё своё мастерство. Олег, а почему у нас в Пскове нет лобного места для казней?

– А зачем оно? – пожал плечами Олег, – пускать чернь в Псков я не желаю, а лишать простонародье удовольствия от казней и от наглядных уроков – неправильно.

Не рассказывать же сестре, что он бы вообще от публичных казней отказался. Но понимал, что в ближайшем, а скорее всего, и в отдалённом будущем этого не осуществить. Но хотя бы в своём-то городе он это реализовал.

Уля поняла его мысль по-своему и согласно кивнула.

– А ещё трупы воняют, а у нас война за чистоту улиц и воздуха, – вспомнила виконтесса одно из высказываний брата. – На обед ко мне?

Олег согласился.

Налаженная Нечаем по советам и под личным контролем Олега почтовая служба работала даже лучше, чем Олег надеялся. Вообще, многое, что он делал, к его собственному удивлению, показывало большую эффективность, чем он изначально предполагал.

Благодаря голубиной почте он получил вести о направлении к нему послов из империи и Бирмана, а благодаря гонцам, менявшим лошадей на почтовых станциях, устроенных при многих постоянных дворах вдоль основных дорог баронств и графства, он получил и подробности, которые удалось выведать людям Нечая и Агрия.

Судя по всему, граф ри Шотел стал заметной фигурой в политических раскладах этой части материка.

Похоже, что в дополнение к министерствам торговли, налогов и промышленности, настала пора заводить уже и министерство иностранных дел. Слава Семи, что готовая кандидатура на должность министра у него была. Олег был уверен, что Гортензия справится с этим делом лучше, чем другие министры со своим, хотя и к ним у него претензий не было.

Кстати, бывший рабский статус Гури и Армина не помешал Олегу сделать их баронами Ленер и Госьер, выделив им опустевшие после бегства бывших хозяев замки в графстве Шотел, и построить им особняки в Пскове, пусть и не на первой линии главного проспекта, зато недалеко от места их работы.

Больше всего переезду в Псков радовалась жена Гури. Веда после родов выглядела прекрасно и, помимо помощи мужу, являлась самой яркой сторонницей Улиных стремлений к организации балов.

К сожалению обоих, пока дальше планов дело не двигалось – слишком много было других дел, что у одной, что у второй.

Ещё Олег заметил, что из бывших рабынь получались самые требовательные хозяйки. Видимо, познав всё на собственном опыте, они знали, кто и где может сачкануть. Поэтому самая вышколенная домашняя прислуга была в особняках барона и баронессы Ленер и викон-

тессы ри Шотел, где никому не давала спуска ставшая домоправительницей Филеза, бывшая Улина рабыня, а сейчас вместе со своим мужем следившая за работой её прислуги.

– Когда-нибудь здесь каждую декаду будут балы, – с грустью сказала Уля, проходя вместе с Олегом и Нечаем через большой зал, который специально по её настоянию был спроектирован при строительстве особняка, больше напоминающего дворец, хоть и не очень крупных размеров.

– Дались они тебе, – усмехнулся Олег. – Вон у тебя уже есть любимый мужчина, – толкнул он в бока обоих, идущих справа и слева от него сестру и начальника контрразведки. – Или мало, хочешь ещё себе кого-нибудь присмотреть?

– Да ну тебя. Что бы ты понимал? – надулась Уля.

В обеденном зале за столом они разместились втроем и никого больше не ждали. Как обычно, когда никого не ждёшь, кто-нибудь обязательно появится. Так случилось и в этот раз, но назвать гостью нежеланной было бы неправдой. В особняк к виконтессе явилась баронесса Рита Сенер.

– В штабе армии была сегодня? – спросил Риту Олег, когда рабыни убрали со стола грязную посуду и подали вина и фрукты. – Какие планы?

– Ещё не была, – отвлекшись от разговора с Улей, повернулась Рита. – Я только сегодня из полка приехала. Помылась, узнала, куда ты направился, съездила в его особняк, в служебный, – Рита кивнула на Нечая, – но там застала только расстроенного Бора. Да, лажанулся он знатно, – соратники Олега часто использовали подслушанные его словечки. – Он-то и сказал, где вас искать. А насчёт планов, – Рита пожала плечами, – я думаю, там всё ясно, будут предлагать сбор ополчений и призыв на службу всех магов, включая и тех, что пашут на производствах. Правда, опасаются, что Гелла упрётся.

– И правильно, что опасаются. Эх, – огорчённо вздохнул Олег, – ну никак не хотят мои друзья мыслить шире.

Рита внимательно посмотрела на Олега.

– Ты ведь что-то давно придумал. Так ведь? – уверенно спросила она.

– Тебя это удивляет? – засмеялась Уля. – Мне кажется, что у брата на всё есть ответ.

– Нам скажешь? – поинтересовалась Рита.

Олег отрицательно мотнул головой.

– А Чеку с Тормом зачем головы? Пусть сами думают. Вот если ни до чего толкового не додумаются, кроме как, давайте всей толпой навалимся, тогда придётся опять самому всё растолковывать. Но это по-любому будет не сегодня. Послезавтра приезжает Орро ни Ловен, у маркиза для меня послание от нашей божественной императрицы. Уля, – обратился он к сестре, увидев, как та усмехнулась при упоминании божественности Агнии. – Надеюсь, ты не забыла, что мы её вассалы? Так вот, – продолжил он, – я с ним переговорю, дальше оставлю его с Гортензией, она тоже сегодня-завтра должна подъехать, я её вызвал, хватит ей в Нерове сидеть, Чек по ней уже соскучился, да и я тоже...

– И я, – вставила свои пять тугриков виконтесса.

– И мы соскучились, – согласился Олег. – Пока Гортензия будет вести переговоры с ним и с посланником Иргонии, самой красивой королевы Бирмана за всю историю этого королевства, мы смотаемся, я думаю, за декаду обернёмся, в Рудный. Потом, после моего возвращения, и поговорим там у вас, в штабе армии.

– Нечай, – обратился Олег к молчавшему всё время контрразведчику, – ты пока определись, кого из своих с собой возьмёшь из того расчёта, что кого-то придётся оставить там, наводить в комендатуре Рудного порядок.

– И я с вами, – опять влезла Уля.

– Да, конечно, куда ж мы без тебя, – согласился граф ри Шотел.

«Чем меньше женщину мы любим, тем...», эта известная истина, оказывается, работает и в обратную сторону. В этом Олег убедился на собственном опыте.

Рита всё также обожала и восхищалась им, он это чувствовал, но лезть к нему в постель она перестала.

Олег своим шестым чувством почуял, что баронесса себе кого-то нашла. Он никогда не был в Риту влюблён, говорить о ревности с самого начала было бы глупостью, но вот что такое чувство уязвлённого мужского достоинства он теперь понимал, и как оно гложет, когда Рита спокойно и дружелюбно попрощалась с ним также, как с Нечаем и Улей.

А ведь он долгое время был совершенно искренне уверен, что приставания Риты ему надоели. И теперь с недоумением и даже с некоторой обидой в душе смотрел, как Рита вскочила в седло и, помахав рукой, уехала к себе в особняк. Да и к себе ли?

– К графу ри Крету, – подсказал Нечай, поняв мысли шефа, написанные у него на лице.

– О, Семеро, братик! Да ты никак ревнуешь? – засмеялась Уля, а увидев, как он недовольно поморщился, обняла его и поцеловала в щёку. – Да ну её, Ритку эту, мы тебе лучше найдём, – вернула виконтесса Олегу его давнюю подколку. – Пойдём в дом. Или ты уже к себе уезжаешь?

Олег решил не мешать молодым провести время вместе. К тому же он сегодня уже порядком устал, с самого утра выслушивая от нечаевских офицеров показания разных подонков, чьи вопли ужаса и боли доносились даже с самого глубокого подвала.

Он устал, понятно, не физически, а морально, от всей той грязи, что ему пришлось узнать. Да и от криков самих виновников он тоже притомился.

Коня ему подвела здоровенная рабыня, гора мускулов, которая ещё четыре дня назад больше походила на гору отбивного мяса, когда была обнаружена в подвале кабака Кастета, где тот устроил частную тюрьму.

Тупица. Олег вспомнил, что её звали Тупица. Такое имя сложно не запомнить. Также, как и её настоящее имя, которое у неё было до того, как её купил Кастет.

Уля привела её к нему, потому что направленное ею несколько раз на Тупицу заклинание Малое Исцеление, излечив полностью организм рабыни, никак не желало выправить ей много раз разбитый нос.

– Её на самом деле зовут Лолита. Олег, помоги... – Уля замолчала, увидев, как её брата буквально скрутило от смеха.

А тот ничего с собой не мог поделать. Здоровенная деваха лет уже за тридцать, ростом выше его на голову, с бицепсами, как у Шварценеггера в его молодые годы, меньше всего соответствовала такому имени. Он даже не стал ломаться на просьбу сестры и создал конструкт Абсолютного Исцеления.

После этого бывшая Тупица стала выглядеть красивой и даже сексуальной. Пусть немного мужчин найдётся, которые смогут преодолеть свои комплексы, но свои поклонники Тупице теперь обеспечены.

Захваченную у Кастета рабыню Лолиту Уля конфисковала себе и пока пристроила в помощницы к Филезе.

– Зачем она тебе? – поинтересовался тогда Олег. – Ты же понимаешь, что Абсолютное Исцеление излечивает только тело, но никак не изуродованное сознание. Она убийца, которая убила на помосте как минимум восьмерых. И она ведь, и правда, тупая. Если тебе нравятся такие взгляды, которыми она на тебя смотрит, то лучше заведи себе собаку. Собака будет смотреть на тебя также, но она будет хотя бы умнее.

– Мне её жалко. И если она убийца и собака, то это будет моя убийца и собака.

Когда Уля опускала в разговоре с ним голову, Олег уже знал, отказ расстроит её до слёз.

Хотя ему и не хотелось подпускать к сестре непонятное существо так близко, случись что, могут ведь и ниндзя не успеть, но посмотрев, как Лолита относится к своей хозяйке, отодвинул свои опасения в сторону.

– Сегодня утром в Псков прибыл маркиз Орро ни Ловен, – сообщил ему адъютант Клейн через два дня после посещения Ули. – Он остановился на постоялом дворе «Толстяк» и прислал слугу, чтобы узнать, когда и где вы соизволите его принять.

– Слуга здесь? – спросил Олег, а получив утвердительный ответ, определился: – Пусть передаст маркизу, что я с удовольствием с ним пообедаю на третьей склянке после полудня. И пошли за бароном и баронессой Пален, их я тоже жду у себя.

– За виконтессой тоже послать кого-нибудь? – решил уточнить Клейн, опасаясь Ули.

– За ней не надо посылать, она сама тут раньше всех нарисуеться. Вот увидишь.

Глава 7

Гребцами на кораблях, что морских, что речных, как правило, были рабы. Вот только на речных кораблях они редко когда были прикованными, поэтому и столь удушающего запаха человеческих испражнений на речных кораблях не было. Зато был кисловатый запах пота от натруженных тел.

Поэтому во время каждой стоянки возле берега или на берегу гребцов корабля, на котором плыла Уля, по её настоянию капитан заставлял мыться. Рабам это не нравилось, потому что сокращало время отдыха, но роптать или даже взглядом показать неудовольствие они не смели – наказание могло последовать очень быстро.

С Улей на одном корабле отправились: пятёрка её охраны, одна новенькая служанка и Лолита.

Чтобы не стеснять Улю, Олег и Нечай разместились на другом корабле, где к ним присоединились трое отобранных Нечаем для службы в Рудном сержантов и один лейтенант. Это были все молодые парни, не старше двадцати пяти лет.

Расстояние от Пскова до Рудного было примерно сто лиг, но это если по прямой. С учётом того, что река иногда петляла, немного увеличивая длину пути, до пункта назначения они доплыли за два дня, при этом особо гребцов не напрягали, пользуясь, в основном, попутным течением.

Так получилось, что как самому Олегу, так и его сестре и Нечаю даже такое, не очень длительное, плавание было в новинку. Ну Олег хотя бы в своей прошлой жизни плавал с классом на «Ракете», да и в этом мире приходилось несколько раз переплывать через Ирмень.

Для Ули же с Нечаем это был первый опыт «хождения за три моря». Слава Семи, что никакой морской болезни, видимо, из-за отсутствия моря, ни они сами, ни их спутники не испытали. Путешествие им, скорее, понравилось.

Река Пста была не сильно глубокой, часто пестрела мелями, поэтому на ночь плавание прекратили и высадились ночевать на берег.

– С чем приехал Орро? – спросила Уля в первый же вечер их путешествия, когда они, высадившись на берег, стояли возле невысокого обрыва и ждали пока рабы развернут шатры и приготовят ужин.

– С пожеланиями божественной Агнии он приехал, – Олег подошёл к обрыву и бросил в реку камешек, наблюдая за образовавшимися кругами. Когда обернулся, увидел, что сестра ждёт дальнейшего рассказа. – Да чепуха, в общем-то. Для политики обычное дело. Агния и имперский Совет узнали о предложениях Лекса и настоятельно просят отказать нашему славному королю в военной помощи.

Виконтесса от неожиданности даже не сдержала смешок.

– Олег, мы же, я имею в виду, что Гортензия говорила, Винор и Хадонская империя, они же союзники всегда были. И сейчас союзники. А для нас так и вообще...

– Ну да, – продолжил её недосказанную мысль Олег, – для нас и Лекс, и Агния сюзерены, пусть последняя лишь формально. Пошли, вон уже наши шатры поставили. Нечай мнётся, не знает, может он к нам подходить или нет.

– Ты, как всегда, любишь меня изводить загадками, – расстроено сказала Уля. – Когда-то, когда я была моложе, мне это даже нравилось.

Олег приобнял сестрёнку и немного её встряхнул.

– Да нет тут никакой загадки. Политика, как она есть, – пояснил он ей. – Империя ещё долго не оправится полноценно после того бардака, который у неё творился больше десятка лет. Имперский Совет очень хочет вернуть многое из того, что утащили у империи, но вот силёнок пока маловато. Им очень понравилось то, что они совместно со мной провернули, когда я

получил графство, а империя вернула себе Ригскую провинцию. Им-то всё досталось вообще без боя. В общем, они очень хотят войны между Винором и Тарком. Сейчас всё к ней и идёт – поток событий сам выталкивает Тарк к нападению на Лекса. Вот только если всплывёт моё обещание военной помощи Лексу, а о нём обязательно станет известно – Фестал же, как деревня, в том смысле, что там ничего в тайне не держится, то Тарк на войну может не решиться. Лекс тем более в войну ввязываться не станет – у него половина королевства под контролем неподчиняющихся ему владетелей и опасная ситуация на западных границах. Как-то так вот. Поняла?

Уля некоторое время помолчала, потом качнула головой.

– Чтобы попытаться отобрать у Тарка свои бывшие рудники в Лидурских горах, императрице надо, чтобы королевство Тарк ввязалось в войну с Винором, а чтобы король Плавий решился на эту войну, мы должны под каким-нибудь предлогом отказать нашему сюзерену в военной поддержке. Я правильно поняла?

– Вот видишь, какая ты у меня умница, – похвалил сестру Олег. – Вот только придумывать никакого предлога для отказа в выполнении вассального долга не нужно. Мы перед ним имеем лишь баронские обязательства, а значит, и требовать от нас чего-то большего, чем баронская дружина, король не может. Вот когда сделает нас герцогами, тогда... тогда посмотрим. Это обговаривается.

Шатры графа и виконтессы ри Шотел и барона Убера были установлены рядом друг с другом треугольником, в центре которого потрескивал дровами костёр.

– Наговорились? – спросил Нечай, – тогда давайте, что ли, поужинаем.

На второй день путешествия им показали невысокие горы Винорского кряжа, а к концу дня они увидели огни поселения горняков и металлургов. Да ещё, как выяснилось совсем недавно, к тому же поселение искателей и наркоторговцев.

Рудный давно уже стал крайне важным для экономики баронств. К огромному сожалению Олега, эта поездка была первым его посещением столь важного и ответственного участка.

Причина, почему Олег раньше не нашёл времени сюда отправиться, была банальна – он не знал, чем он тут может оказаться полезен.

Знания его из прошлого мира тут помочь ничем не могли. Он совершенно не имел представления, как добывается руда и плавится металл.

Всё, что он помнил по этой теме, это виденный краем глаза по телевизору документальный фильм про большой рывок кормчего Мао, когда в каждой китайской деревне построили по небольшой печи для выплавки металла, и сцена из советского фильма «Весна на Заречной улице», когда училка отправилась на экскурсию на металлургический комбинат. На этой экскурсии, по сути, с ней побывал и Олег.

А ещё одна причина была в том, что Рудный не мог выйти из-под контроля, так как целиком зависел от поставок продовольствия и многого другого необходимого из Пскова.

– Какие странные запахи, – стоя рядом с Олегом на носу корабля, когда они уже приблизились к берегу, сказал Нечай.

– Когда-то все города будут пахнуть также, – ответил ему граф, вспомнив из учебника истории своего мира картинки про эпоху промышленной революции.

Видимо, низкое атмосферное давление и повышенная влажность в совокупности с невысокими трубами плавильных печей привели к тому, что Рудный был накрыт самым настоящим смогом.

Когда в Промзоне и Пскове начались аресты, Нечай абсолютно грамотно перекрыл любое движение вниз по Псте и вообще на юг, договорившись с Ритой, выделившей для заслонов дополнительную роту егерей.

Поэтому о том разгроме банды наркоторговцев и коррумпированных стражей, который был устроен в Промзоне и Пскове, здесь ничего не знали. Также, как не знали, кто находится на прибывших первыми после непонятно долгого перерыва кораблях.

На пристани народа вначале было немного, но когда весть о прибытии кораблей пожаром разлетелась по городу – постарались вездесущие дети, то она быстро наполнилась народом, включая и появившийся ленивой походкой комендантский патруль, состоявший из пары слегка подвыпивших стражников.

Кто прибыл на кораблях, до стражников и толпы дошло не сразу.

– Представьтесь, – сказал стражникам Нечай, как только первым сошёл по мосткам на берег.

Те растерялись, не узнавая, кто с ними разговаривает, но по одежде, повадкам и тону, сразу определив начальство. Когда же за спиной Нечая они увидели Олега, то им явно поплохело.

Графа ри Шотела они раньше ни разу не видели, но как выглядит графская цепь и знак на ней, представление имели.

– Сержант Прокнес.

– Страж Форка.

Нечай обернулся и посмотрел за спину Олега, где его лейтенант, сверившись с записью в вынутой из тубуса бумаге – от навощенных дощечек на службе у Олега давно избавились – произнёс:

– Прокнес есть.

После этого Нечай коротким, отлично поставленным ещё на тренировках с самим Олегом, ударом в печень, вырубил сержанта, вскрикнувшего и потерявшего сознание от резкого болевого шока.

– Вяжи своего начальника и тащи его за нами, – приказал Нечай оторопевшему, разом вспотевшему и напуганному стражнику.

Толпа, удивлённая происходящим на их глазах, сначала замолчала, но затем, когда до неё дошло КТО к ним прибыл, особенно когда увидели сходящую по мосткам со второго корабля Улю в небольшой серебряной диадеме на голове, то она взорвалась приветственными и изумлёнными криками.

Сквозь толпу протиснулся небольшой человечек, одетый в простой рабочий костюм, но пошитый из дорогой ткани.

– Господин граф! Это так неожиданно, – принялся он кланяться и норовился приложиться к руке. – Госпожа виконтесса... Если бы я знал, я бы...

– Кувер? – уточнил имя встречающего Олег. – Веди к себе и прикажи людям разойтись. В общей сложности в Рудном и его окрестностях Олег провёл половину декады.

Первый день был целиком посвящён розыску и арестам наркоторговцев и вступивших с ними в сговор стражников.

Впрочем, перетрясли и тех стражников, которые дел с бандитами не имели, но творили разные другие непотребства или просто были лентяями, рассматривавшими комендантскую службу как синекуру, где можно ни хрена не делать, но получать вполне приличные деньги.

К моменту приезда в Рудный в списках продажных стражей поселения, который был составлен по результатам допросов в Пскове, было восемь человек из трёх десятков, служивших в местной комендатуре.

Их сразу же арестовали силами прибывших с Нечаем офицера и сержантов, Улиной пятёрки ниндзя, размещённого на постой в Рудном взвода егерей и с помощью, часто бывает и такая ирония судьбы, даже тех стражей, которые на следующий день сами оказались в пыточных подвалах.

В вечер первого же дня прибытия был схвачен и отанский торговец, который руководил всей бандой, и часть его сообщников.

Оставив Нечая и Улю заниматься арестами, дознаниями и расследованиями, Олег в сопровождении Кувера осмотрел медеплавильные цеха, побывал на выплавке железа и олова,

посмотрел, как заливают металлические болванки для отправки их кораблями по Псте в Промзону.

Кувер, здешний управляющий производством и по совместительству городской Голова, был бывшим, давно уже выкупившемся сервом баронессы Геллы Хорнер, которая присмотрела его себе в помощь ещё в своём замке.

«Он у меня мужичок умный, способный, но хитроватый и с толстым авантюрным канатом вместо авантюрной жилки. В том отдалённом поселении он будет к месту. Пока память о неоднократно поротой заднице в голове у него не выветрилась, ему можно доверять. Я пока в нём не разочаровалась», – так охарактеризовала своего назначенца Гелла, а к её суждениям Олег относился всегда с уважением. Да и вообще, его старым друзьям и соратникам повезло с жёнами. Ему бы себе кого-то похожего найти.

Никаких мыслей, как улучшить что-нибудь в производстве металлов, у Олега не возникло. Механизация подачи воздуха в плавильные печи здесь уже была реализована, а чего-то ещё он придумать не смог.

Организационные и житейские проблемы поселения пока тоже были вне его возможностей решения.

Главная житейская проблема в Рудном, на первый взгляд, ерундовая, это недостаток женщин.

Если в Промзоне была обратная картина – там на текстильных и прядильных мануфактурах работало много приехавших с разных мест женщин и девушек, и свежённых рабынь, то здесь было очень мало мужчин с семьями, шлюхи брали дорого и работали на износ, а специально привезённые в весёлые дома двумя аргонскими торговцами живым товаром рабыни были в таком ужасном состоянии, что Уля даже разревелась и собиралась их увезти в Промзону. Впрочем, от этого её отговорили, объяснив всю сложность здешней демографической ситуации.

Невольно на ум Олегу пришло сравнение Промзоны с городом Иваново из его прошлого мира, городом невест, а Рудного – с каким-нибудь Челябинском, где проживают мужики настолько суровые, что шнуруют ботинки стальной арматурой.

Поручил Куверу продумать, какие производства, на которых потребуются женские руки, тут можно организовать и сообщить об этом своей начальнице.

По мере возможностей Уля всё же подлечила рабынь. Хотя ей пришлось разрываться между излечением рабынь и излечением пытаемых стражников и бандитов.

«Хорошая мысль приходит опосля», – детская присказка была тут к месту. Отправляясь в Рудный, Нечай не додумался, а Олег ему не подсказал захватить специалистов палача Нурия.

Это только человеку непосвящённому кажется, как и Олегу раньше так казалось, что добывать показания с помощью экспресс-методов допроса очень просто.

На самом деле сделать так, чтобы человек не потерял сознания, не умер во время такого допроса, было непросто. А пытаться так, чтобы человек, оказавшийся невиновным, мог уйти из пыточных застенков на своих ногах без помощи лечебной магии, мог только Нурий и один из его самых талантливых учеников. А вот о них-то они и не вспомнили.

Поэтому-то Уле и приходилось много времени проводить в местной комендатуре и время от времени устранять последствия излишнего рвения дознавателей.

Олег представил, как расстроится Рита, когда он сообщит ей, что в сотрудничестве с наркоторговцами оказались замешаны и двое егерей. Не из тех, что были расквартированы в Рудном, а из взвода пограничников, несшего службу на перевале, отделявшем в этих местах Винор от Бирмана.

– Может, не будем ей ничего говорить? – спросила Уля, расстроенная за свою подругу. – Кроме Вокера, проводившего допрос того сержанта, и нас с Нечаем никто об этом не знает.

Прибьём по-тихому и всё. Ритку жалко, она так своими орлами и орлицами гордится. Шерез ей потом жизни не даст, изведёт сарказмом, ты же его знаешь.

– Посмотрим, – Олег пока сам не решил, стоит ли говорить об этом Рите. – Пошли на границу двух своих ниндзя к начальнику заставы, дай им жетон, пусть лейтенанту всё объяснят и устроят несчастный случай этим продажным шкурам. Лейтенант пусть пока никого из своих бойцов в это не посвящает. Ниндзя пусть сошлются на мой личный приказ.

На третий день Олег на одном из кораблей проплыл вниз по Псте, вдоль гор Винорского кряжа, до небольшого посёлка искателей.

Этот безымянный посёлок, стихийно возникший в местах, где в текущих с гор ручьях и речушках можно было намывать золото, а в самих горах находить самоцветы, напоминал поселения Дикого Запада, как их изображали в виденных Олегом вестернах. Даже местный кабак больше напоминал салун.

Встретили здесь Олега уважительно, но настороженно. Искатели, Олег уже имел о них представление, это люди своеобразного характера и склонные к неподчинению любой власти. Тем не менее какое-то подобие гильдии они всё же создали – любой социум нуждается хотя бы в каких-то правилах и организации.

С главой гильдии у Олега был долгий и интересный разговор. Граф узнал много нового о своих южных владениях, заодно, не без помощи угроз, добился обещания, что гильдия искателей не будет больше принимать заказы на поиск и доставку дурманящих грибов.

Вместе с главой гильдии и одним из нечаевских сержантов поднялись к пещерам в горах, где собирали эти дурманящие грибы. Как ни странно, выглядела эта отравка вполне прилично, внешне напоминая обычные опята.

С огромного валуна, выпирающего с крутого склона, Олег любовался красивой картиной, открывшейся перед ним.

«Под крылом самолёта о чём-то поёт зелёное море тайги». Эти, вспомнившиеся к месту, строки песни вдруг неожиданно резко вогнали Олега в депрессию.

Знаком руки он отослал к разложенному костру своих спутников, а сам уселся задницей на холодный камень валуна. Ему не было страшно что-то себе простудить – магия, такая магия, она всё вылечит. Страшно не было, а вот тоска навалилась по полной.

Зачем он вообще ввязался во всё это? Не проще ли, и правда, было бы набить себе в Скрыте пространственный карман деньгами, найти себе спокойное место, где-нибудь на западе материка, хоть в той же Кринской империи, купить себе домик на берегу тёплого океана и зажить спокойной жизнью сельского лекаря?

Немного потосковав и пожалев себя, он прогнал эти мысли. Теперь уже ничего не изменить, во всяком случае, в видимом будущем. Он слишком много вовлёл в свою орбиту людей, к которым успел привязаться и полюбить. Бросить их сейчас он просто не сможет. Может быть когда-нибудь потом, в отдалённом будущем, когда они смогут совсем обойтись без него.

Его взгляд обратился на запад, туда, где Пста впадала в болота побережья Ирмени, и где он мечтал построить свой Санкт-Петербург, город-порт на Ирмени, пусть и название он ему придумает другое.

От мечтаний, которые пока больше подошло называть прожектёрством, его отвлек сержант контрразведки, пригласивший своего графа ужинать.

В Рудный Олег вернулся уже полностью избавившийся от своих переживаний. Даже немного посмеивался над своей накатившей не к месту слабости.

– Восемь из трёх десятков, – доложил Нечай Олегу количество стражников, которых он решил оставить на службе. – Семнадцать будут сегодня повешены, виселицы для них и для тридцати одного члена банды уже готовы – одиннадцать для главарей и особо отличившихся на центральной площади, остальные – на набережной. Четверых стражников я просто выгнал. Лентяи и пьяницы, но мерзостей не совершали.

– На замену нашёл людей?

Нечай на вопрос графа посмотрел на него с укоризной.

– Когда? Лейтенант мой занимается сейчас поиском, а пока охрану порядка будут нести егеря, я с их командиром взвода договорился, – ответил он. – Мои парни здесь остаются, уверен, что подберут достойных.

Задерживаться дольше необходимого в Рудном они не стали. Дождавшись окончания казней – присутствовать на них графа и виконтессу положение обязывало, они отплыли в обратный путь.

В этот раз плыть пришлось против течения, поэтому времени ушло на день больше. Подгонять гребцов плетью он не дал.

– Так что насчёт Риты? – вернулась к своей просьбе Уля на очередной остановке на берегу.

– Ей самой скажем, а больше никому. Пусть сама решает, что ей предпринять.

Глава 8

На обратном пути они встретили несколько кораблей и барж, которые после снятия ограничений загрузились продовольствием и товарами для Рудного и других поселений в низовьях Псты.

От экипажей этих судов узнали, что в Промзоне идёт массовая зачистка кварталов, расположенных вдоль Вонючки. Хватают не только тех, кого подозревают в каких-нибудь преступлениях, но и бродяг, бездомных, безработных, нищих, попрошайек.

Правда, со слов одного из шкиперов встреченного судна, успехи на этом поприще пока весьма скромные – после чисток в комендатурах стражников не хватает даже на обычное патрулирование, да и голодранцы не дураки, разбегаются и прячутся весьма успешно.

Но пошли слухи, что к облавам могут привлечь армию.

– Похоже, что Бор решил реабилитироваться, – сказал Олег Нечаю. – Лишь бы не перестарался.

– А как тут перестараться? Я уже давно хотел вам предложить почистить Промзону.

– Ого, я раньше не замечал за тобой такой ретивости, – удивился Олег. – И куда весь этот народец девать? Вешать людей только за то, что они оказались в сложных жизненных обстоятельствах? Или набить ими все тюремные подземелья? Так ведь мест не хватит. Нет, надо с Бором разобраться. Вояка из него хороший, а вот комендант... Ладно, приедем, посмотрим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.